Годъ VI. 5 мая 1929 года. № 18.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЦЕРКОВНО-НАРОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Адресъ Редакціи: Warszawa (4), Zygmuntowska 13. „Woskresnoje Cztienje".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой 24 злотыхъ, на полгода 13 злотыхъ, на 3 мѣсяца 7 злотыхъ, на 1 мѣсяцъ 2 зл. 50 гр.; отдѣльный номеръ 75 грошей. **Заграницу**: на годъ 3 доллара, на полгода 1 долл. 75 центовъ, на 3 мѣсяца 1 долларъ, на 1 мѣсяцъ 50 центовъ: отдѣльный номеръ 20 центовъ.

ЦѢНА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: страница—100 зл., 1/2 стр. 55 зл., 1/4 стр.-30 зл., 1/8 стр.-20 зл., 1/16 стр.-15 зл. Многократныя объявленія помѣщаются со скидкой по соглашенію съ Редакціей. РУКОПИСИ безъ обозначенія гонорара считаются безплатными. Непринятыя рукописи возвращаются по желанію авторовъ за ихъ счетъ.

Христосъ Воскресе!

Радость.

Уже погасъ на Западѣ послѣднiй лучъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, ушла послѣдняя, навѣки изжитая пасха iудейская—святая.

Какъ черный бархатъ ризы траурной въ Великую страстную и благословенную субботу, опустилась ночь надъ древнимъ Iерусалимомъ.

Уснулъ Сiонъ. Дремала злоба. Спалъ во гробѣ Царь царей. Притихло все вокругъ. Не могъ найти себѣ покоя лишь проконсулъ Понтiй, да iудейскiе старѣйшины не спали, и воины надъ гробомъ Назорея тамъ, въ саду Аримафея, не дремали — ночную стражу ревностно несли.

Пилату—совѣсть докучала. Архiереямъ—раввинамъ не позволяла успокоиться злоба и ненависть, и зависть, а также страхъ предъ памятною фразой Галилейскаго Пророка: „Въ третiй день возстану", и „кустодiя" римская, по правиламъ драконовскимъ военной дисциплины, сомкнуть не смѣла глазъ: она вѣдь исполняла данный ей приказъ и стерегла пещеру гробную, и камень, и пилатовы печати.

Но было еще нѣсколько иныхъ сердецъ въ притихшемъ, сонномъ Iерусалимѣ, что, въ скорби дней тѣхъ, слезные ручьи лили и отъ любви и состраданiя къ умученному Господу Учителю смежить унылыхъ зѣницъ не могли. Сердца тѣ, повитыя трауромъ печали, въ груди женщинъ мvроносицъ бились. Всѣ жены вмѣстѣ собрались въ укромной горницѣ одной затѣмъ, чтобы ночной порой, лишь только кончится закономъ установленный покой пасхальный, тронуться тотчасъже въ садъ и здѣсь свершить надъ Тѣломъ Iисуса погребеннымъ принятый обычаемъ обрядъ—помазанiе мvромъ.

Былъ послѣполуночный позднiй часъ, когда, поднявши алавастры съ мvромъ благовоннымъ, по улицамъ Салима тихимъ, темнымъ, соннымъ поспѣшною походкой женщины тѣ шли въ Аримафеевъ садъ.

А въ этотъ мигъ Спаситель ихъ, воскресшiй, всталъ изъ гроба. Отваленъ камень былъ, не сломлены печати. Земля тряслась, и яркiй свѣтъ изъ гроба лился въ тьму густую. И, ослѣпленные тѣмъ свѣтомъ лучезарнымъ, попадали на землю ницъ легiонеры—стражи храбрые.... Потомъ, очнувшись, бросились бѣжать: забыли долгъ служебный свой и постъ покинули сторожевой у гроба Назарянскаго распятаго Пророка. И въ ужасѣ паническомъ примчались всѣ они къ раввинамъ iудейскимъ и кое-какъ, дрожа отъ страха, разсказали о случившемся въ саду.

„Ахъ, тише, тише!" Такъ сказали имъ въ отвѣтъ служители „тельца златого", перепуганные злые фарисеи. Тотчасъ же воинамъ пилатовымъ они „довольно сребренниковъ дали" и научили стражей, какъ и что настойчиво твердить, и тѣ повсюду ложь распространять начали: „Когда мы ночью задремали, — пришли Его ученики и тѣло мертвое Его изъ каменной пещеры унесли — украли".

Но правду затемнить—нѣтъ, не имѣла силы басня лживая. Святая Истина, воистину воскресшая изъ гроба, побѣдила своимъ свѣтомъ мрачную неправду. И благовѣстницами первыми евангельской неумирающей святыни-правоты были святыя жены, которыя ко гробу Живоносному тайною тропой съ вонями благовонными пришли; тѣ женщины, которыя во гробѣ тѣла Iисуса Назорея мертваго и погребеннаго уже той ночью не нашли. Сiянный ангелъ здѣсь, на камнѣ возсѣдалъ и имъ недоумѣннымъ и смущеннымъ радостную вѣсть тогда подалъ: „Христосъ воскресъ"!

И покатилась эта вѣсть далеко въ мiръ весь. До Рима гордаго была принесена она Марiей Магдалиной... Какъ нынѣ звонъ колоколовъ пасхальныхъ, такъ точно въ тѣ сѣдыя времена неслось святое восклицанiе „Христосъ воскресъ" по дальнимъ странамъ мiра древняго. Оно осилило неправду лживыхъ воиновъ и злобныхъ фарисеевъ, и радостный аккордъ той истины звенѣлъ въ сердцахъ людскихъ: „Христосъ воскресе"! — покорило мiръ и вѣрой новою, любовью христiанскою и лучшею надеждой освѣтило и наполнило оно юдоль земную. Почти уже двѣ тысячи лѣтъ все человѣчество, стряхнувши клевету, поетъ пасхальный гимнъ „Христосъ воскресе"!

Нѣтъ нынѣ больше слезъ! Смерть умерла. Воскресла снова жизнь. Ушли со сцены мiровые фарисеи. Неправда—ложь сокрылась, —правда воцарилась.

А мы всѣ, преклоняясь предъ величьемъ Божьей Правды, на мѣсто мvра, пѣснь приносимъ Господу воскресшему — Владыкѣ, и, обнимая радостно своихъ враговъ недавнихъ, какъ друзей, поемъ: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертiю смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ".

Вотъ колокольный „красный" звонъ намъ вторитъ гулко надъ землей страдалицею обновленной, а сердце наше торжествующее, полное сыновней благодарностью Спасителю, за насъ страдавшему и ради насъ изъ гроба вставшему, особенно и по-пасхальному отъ радости трепещетъ, замираетъ, бьется и будто въ тактъ колоколамъ воскликнуть силится къ врагамъ, друзьямъ, ко всѣмъ, ко всѣмъ: „Господь нашъ живъ! Господь воскресъ! Христосъ воистину воскресе!"

**Явленіе Воскресшаго Христа
12-ти Апостоламъ въ первый день по воскресеніи.**

В. М. СКВОРЦОВЪ.

Воскресеніе Христово, какъ чудо исторіи христіанства.

„Господь воистину воскресе“ (Лук. 24, 34).
„Блаженни не видѣвшіе и увѣровавшіе“ (Іоан. 20, 29).

Воскресеніе Христово для вѣрующихъ христіанъ всѣхъ временъ и народовъ было и останется на вѣки „праздникомъ праздниковъ“ и „торжествомъ изъ торжествъ“, „нареченнымъ и святымъ днемъ“ духовной радости и религіознаго одушевленія.

Но какая великая радость, какое восторженное чувство вдохновенія въ св. день Воскресенія должны были охватить сердца ближайшихъ учениковъ — апостоловъ Христовыхъ, когда они лицемъ къ лицу впервые увидѣли Воскресшаго Господа, явившагося внезапно къ вечеру перваго дня Его славнаго Воскресенія „заключенными дверьми“ въ Сіонской горницѣ! Чудо Воскресенія Христова для апостоловъ, для укрѣпленія ихъ вѣры, для вдохновенія въ нихъ духа ревности къ проповѣди о Воскресшемъ, имѣетъ особое чрезвычайное значеніе.

Безъ Воскресенія Христова не было бы христіанской ни вѣры, ни эры, хотя бы оставалось на землѣ высочайшее Его ученіе и исторія о сверхчеловѣческой жизни и божественной силѣ чудотвореній. Христіанство, какъ Церковь, основанная Христомъ, создана и утверждена на апостольской вѣрѣ въ Воскресшаго Христа и ревности избранныхъ учениковъ Его, воспріявшихъ особые дары благодатнаго посвященія и вседѣйствующей животворящей силы Св. Духа въ день Пятидесятницы. Какъ извѣстно, распятіе и смерть Христа вызвало среди избранныхъ учениковъ Его великое душевное смятеніе. Въ сердцахъ ихъ происходила мучительная борьба вѣры и надежды съ сомнѣніемъ и уныніемъ. Не совершись Воскресеніе Христово, какъ реальный фактъ, для апостоловъ очевидный и непреложный, позорная смерть Христа на крестѣ, явилась бы погребеніемъ вѣры апостоловъ въ своего Учителя и Вождя, какъ обѣтованнаго Мессію. Смерть Христа была бы концомъ апостольскихъ надеждъ на исполненіе всѣхъ тѣхъ обѣтованій, которыя они слышали отъ Него за время трехлѣтняго слѣдованія за Христомъ въ Его ученіи и проповѣди о Себѣ, какъ Сынѣ Божіемъ, Искупителѣ и Спасителѣ человѣчества. Смерть Христа безъ Воскресенія явилась бы явнымъ доказательствомъ неистинности Его ученія, обманомъ. Враги Христа, осудившіе Его за это ученіе на смерть, какъ богохульника и самозванца, безъ Воскресенія Христова торжествовали бы свою дѣйствительную побѣду надъ христіанами, а это должно было бы убить у апостоловъ и вѣру, и одушевленіе, и волю на дѣйствіе. Безъ Воскресенія Распятаго Христа не можетъ быть никакого другого разумнаго объясненія адамантовой вѣры даже до смерти и величайшаго религіознаго одушевленія—того прозелитизма, которые такъ ярко и тотчасъ же послѣ радостнаго дня Возстанія изъ мертвыхъ Спасителя загорѣлись въ душахъ учениковъ Христа, еще два дня тому назадъ разбѣжавшихся, отрекшихся отъ своего Учителя-Страдальца, въ лицѣ даже „камня вѣры“ Петра.

Не находится другого объясненія для пламенной вѣры и христіанскаго исповѣдничества первыхъ христіанъ, для ихъ жертвенныхъ мученическихъ подвиговъ за имя Воскресшаго. Безъ Воскресенія Христова нѣтъ объясненія и для чуда въ исторіи возникновенія и быстраго распространенія христіанства и умноженія Церквей среди лютыхъ гоненій на исповѣдниковъ-неофитовъ во имя Распятаго и Воскресшаго въ третій день по Писанію Іисуса Христа.

Въ этомъ отношеніи Воскресеніе Христово должно почитаться какъ величайшее чудо, создавшее самую исторію христіанской эры. Только Воскресшій Христосъ Своими многократными появленіями среди избранныхъ апостоловъ и многочисленныхъ учениковъ, во славѣ Побѣдителя смерти, могъ такъ чудодѣйственно, въ мгновеніе ока разсѣять налегшій на сердца учениковъ Христовыхъ, послѣ смерти ихъ Господа, мракъ сомнѣній и отчаянія, когда, по свидѣтельству Евангелиста Луки, „у учениковъ открылись глаза, когда Воскресшій Господь отверзъ имъ умъ для уразумѣнія Писанія“ (Лук. 24, 31—45).

Первый актъ духовнаго возрожденія и посвященія въ апостольское званіе бывшихъ рыбарей, которые сдѣлались ловцами человѣковъ, новою тварью о Христѣ, совершился, когда Воскресшій Христосъ, явившись къ ученикамъ Своимъ въ Сіонской горницѣ, дунулъ на нихъ и облекъ ихъ Божественнымъ дарованіемъ и полномочіями Св. Духа (Іоан. 20, 21). Теперь апостолы увидѣли, уразумѣли, что ихъ возлюбленный Учитель, и по смерти живой, есть воистину Сынъ Божій, пришедшій въ міръ грѣшныя спасти.

А эти многократныя явленія Воскресшаго въ теченіе 40 дней Его жизни на землѣ въ воскресшемъ тѣлѣ, явленія Его чрезъ затворенныя двери и непроницаемыя стѣны и такія же внезапныя исчезновенія, соучастіе въ трапезѣ и преломленіи хлѣба, поученія и откровенія о тайнахъ царствія Божія,—все это окрылило апостоловъ вѣрою въ истину обѣтованій Христа о вѣчномъ Его сопребываніи съ ними и въ Церкви Его Святой: „Азъ есмь съ вами во вся дни до скончанія вѣка“. Теперь перестало пугать учениковъ, какъ ранѣе то было, откровеніе, возвѣщенное Христомъ до смерти и подтвержденное по Воскресеніи: „Восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему“ (Іоан. 20,17); теперь они убѣдились чрезъ явленія имъ Воскресшаго Учителя ихъ, что для Его воскресшаго тѣла не существуетъ уже болѣе пространства и времени, что Онъ всегда, когда соблаговолитъ и когда будетъ въ томъ ихъ нужда, можетъ явиться къ Своимъ ученикамъ, какъ нынѣ является для укрѣпленія ихъ немощей, для утѣшенія въ скорбяхъ, для помощи въ дерзновеніи и „буйствѣ“ ихъ апостольской проповѣди о Распятомъ и Воскресшемъ Христѣ Сынѣ Божіемъ, Искупителѣ міра.

И исторія апостольскаго вѣка свидѣтельствуетъ о великомъ чудѣ духовнаго подъема и возрожденія свыше апостольской вѣры и ревности по Воскресеніи Христа. Изъ колеблемыхъ вѣтромъ сомнѣній и душевнаго смятенія, муками духа унынія, изъ смиренныхъ и простыхъ рыбаковъ, апостолы вдругъ преображаются въ величайшихъ героевъ духа и вѣры, той вѣры, которая, по обѣтованію Воскресшаго Господа, творитъ чудеса и знаменія: „Увѣровавшихъ же (т. е. въ Него Воскресшаго) будутъ сопровождать сіи знаменія: именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ, будутъ говорить новыми языками; будутъ брать змѣй, и если что смертоносное выпьютъ, не повредитъ имъ; возложатъ руки на больныхъ, и они будутъ здоровы“ (Мр. 16, 17—18). Какъ свидѣтельствуетъ книга „Дѣяній Апостольскихъ“ и писанія мужей апостольскаго вѣка, всѣ эти обѣтованныя Воскресшимъ знаменія сопровождали проповѣдь апостоловъ и мужей апостольскаго вѣка. Такимъ образомъ, величайшее чудо исторіи—

АНДРЕЙ МАРТИШЕНКО.

ВОСКРЕСЕНІЕ ХРИСТОВО.

Стража гробъ бережетъ,
Въ немъ Спаситель лежитъ...
Тихо, тихо кругомъ,
Зорька въ небѣ горитъ.

Гдѣ-то рѣчка журчитъ,
Кедры льютъ ароматъ,
Лѣсъ проснулся, шумитъ,
Міръ сномъ сладкимъ объятъ.

Вдругъ земля затряслась,
Камень съ гроба упалъ,
Стража въ трепетъ пришла,
Ангелъ свѣтлый предсталъ:

Нашъ Спаситель воскресъ
Силой вышней Своей,
Ада цѣпи порвалъ,
Рай открылъ для людей.

Веселится народъ,
Въ храмѣ молится онъ:
Цѣлый день здѣсь и тамъ
Оглашаетъ міръ звонъ.

Онъ далеко летитъ
Черезъ горы и лѣсъ
И всѣмъ намъ говоритъ:
Днесь Спаситель воскресъ!

Воскресеніе Христово.

Воскресеніе Христово явилось животворящею силою, создавшею цѣлый рядъ чудесныхъ явленій и событій въ исторіи христіанства. Чудо Воскресенія породило чудо побѣды проповѣди простыхъ Галилейскихъ рыбаковъ надъ премудрыми и разумными міра сего, затѣмъ — чудо побѣды христіанской религіи, религіи духа мира, любви, свободы и самоотреченія во имя Воскресшаго Господа и идеи воскресенія человѣчества для будущей жизни,—побѣды надъ гордымъ, погрязшимъ и растлѣннымъ въ холодномъ матеріализмѣ и безчеловѣчномъ эгоизмѣ языческимъ міромъ.

Наконецъ, чудо Воскресенія Христова отобразилось въ исторіи жизни Его Церкви, какъ Божественнаго установленія, имѣющаго своею извѣчною задачею благодатное освященіе и возрожденіе падшаго грѣшнаго человѣчества. Церковь Христова представляетъ вѣчно сприсутствующее тѣло Воскресшаго Живодавца, какъ Искупителя міра. Въ спасающей миссіи Церкви, какъ хранительницы и раздаятельницы людямъ даровъ благодати Св. Духа изъ сокровищницы милосердія Божія, пріобрѣтенной страданіями и смертію Воскресшаго Богочеловѣка, заключается великое сакраментальное таинственное значеніе Воскресенія Христова. Свѣтъ самовидцевъ—свидѣтелей Воскресенія Христова зажегъ сердца христіанскаго „малаго стада" пламенемъ неугасимаго огня вѣры, разлился этотъ пламень по всей вселенной, будучи сохраняемъ во всей апостольской и первохристіанской чистотѣ и истинѣ, и распространяемъ истинною Христовой Церковью. Вѣрная невѣста Христова, Святая Церковь, руководясь заповѣдью Воскресшаго своего жениха: „блаженны не видѣвшіе и вѣровавшіе" (Іоанна 20, 29),—пронесла свѣтильникъ апостольской вѣры на протяженіи 19 вѣковъ черезъ тьму многочисленныхъ еретическихъ и безбожныхъ ухищреній лжеименнаго разума, стремившихся загасить въ сердцахъ людей свѣтъ чистой вѣры, христіанской радости и упованій, связанныхъ съ Воскресшимъ Спасителемъ нашимъ.

Но увы! Не смотря на чудеса побѣднаго торжества почти двухтысячной исторіи Христіанства, тьма богоборческаго невѣрія и озлобленія въ наше время еще выше, чѣмъ въ первые вѣка гоненій, ярится, еще сильнѣе тщится затемнить свѣтъ, украсть радость Свѣтлаго Христова Воскресенія у слабыхъ и маловѣрныхъ христіанъ нашего смраднаго страшнаго времени, запечатлѣннаго жестокими гоненіями на Христову Церковь и мученіями исповѣдниковъ Воскресшаго Христа. Кажется многимъ, что, по попущенію Божію за наши грѣхи, сатана разорвалъ вереи ада, которыми связалъ его Побѣдитель смерти и ада Воскресшій Христосъ, когда былъ „во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею яко Богъ". Самъ сатана нынѣ вступилъ въ борьбу съ Церковью ради соблазна и погибели „сихъ малыхъ", не утвержденныхъ въ вѣрѣ и слабыхъ духомъ и силою ревности по Бозѣ. Изъ мрачнаго подполья нынѣ изувѣрская безбожная коммунистическая

СВЯЩЕННИКЪ М. КОСТКО.

ПАСХАЛЬНЫЯ ДУМЫ.

Враги Христа всѣ рады были,
Что въ гробъ Его ужъ положили
И камень къ гробу привалили...
Но — мракъ исчезъ, —
Порывы зла затрепетали,
И цѣпи ада долу пали,
И люди радостно воззвали:
„Христосъ воскресъ!..“
И мощной радостной волною
Пѣснь эта льется надъ землею
Своею трелію Святою
Вездѣ кругомъ.
Она сей жизни украшенье,
Души—отрада, утѣшенье,
И мы сегодня съ умиленьемъ
Ее поемъ...
Любовью высшей къ людямъ Бога
Намъ въ рай открыта всѣмъ дорога,
Чтобъ тамъ у Свѣтлаго Чертога
Мы были всѣ,
Чтобъ въ дивномъ Свѣтѣ Возрожденья,
Возставъ отъ грѣшнаго паденья,
Среди мірского развращенья,
Мы пѣли Пѣсню Воскресенья
И на землѣ!

* * *

Не плачь, душа моя больная!
Сегодня радость неземная
Міръ охватила въ край изъ края,
Страдальцевъ въ жизни направляя
Къ Творцу Небесъ...
Придите къ Богу, люди—братья,
Забудьте злобу и проклятья,
Откройте ближнему объятья
И пойте Пѣснь всѣ безъ изъятья:
„Христосъ воскресъ!..“

пропаганда вылѣзла на просторъ духовнаго разврата и появились новые Іуды-предатели, и нынѣ полною рукою по всему лицу христіанскихъ земель сѣется и даетъ свои плоды невѣріе въ Воскресеніе Христа...

Зловѣщія знаменія переживаемаго Христіанствомъ нашего богоборнаго времени налагаютъ на „любопраздниствующихъ“ вѣрныхъ чадъ Православной Церкви во главѣ съ Ея архипастырями и пастырями особливый долгъ и подвигъ мужественнаго исповѣдничества и миссіонерствованія среди народа во Славу Воскресшаго Христа Живодавца.

Пусть радость пасхальная у всѣхъ вѣрующихъ будетъ не только свѣтлой, но и разумной, во свѣтѣ, богословскаго знанія и разумѣнія всѣхъ свидѣтельствъ самовидцевъ Воскресшаго Господа, всѣхъ благовѣствованій, сохраненныхъ объ этомъ величайшемъ чудѣ Воскресенія Христова въ Евангеліяхъ, всѣхъ доказательствъ непреложности и истинности Воскресенія Христова и ложности ухищреній лжеименнаго разума, пытающихся загасить въ сердцахъ народа свѣтъ апостольской и церковной вѣры въ Воскресеніе Христово.

Во имя Воскресшаго Живодавца, вѣрные Его заповѣди, мы должны умѣть дать отвѣтъ всякому вопрошающему о нашей христіанской вѣрѣ и упованіи и должны знать, какъ и чѣмъ заграждать уста развратителей, лжесловесниковъ и богохульниковъ, глаголющихъ безумное: „нѣсть Богъ“, не было и Воскресенія Христова, не будетъ и нашего. И да поможетъ своимъ вѣрнымъ въ этомъ Воскресшій нашъ Спаситель! Ему же слава и честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Д. Ц.

Праздникъ жизни.

„Третья вѣсть была необычайна:
Богъ воскресъ и смерть побѣждена!
Эту вѣсть побѣдную примчала
Богомъ воскрешенная весна...
И кругомъ луга зазеленѣли,
И тепломъ дохнула грудь земли,
И, внимая трелямъ соловьинымъ,
Ландыши и розы зацвѣли“ (Полонскій).

Безконечнымъ потокомъ подъ благовѣстъ полунощныхъ колоколовъ вливаются толпы вѣрующихъ въ ярко освѣщенный храмъ...

Снова раздается на землѣ радостная пѣснь въ честь побѣды Воскресшаго, „смертію смерть поправшаго“. Отовсюду несутся гимны „торжества изъ торжествъ“, гимны величайшей побѣды, славнѣе которой не зналъ и не знаетъ міръ. Свѣтло празднуется „свѣтлый праздникъ“, праздникъ жизни, торжествующей надъ смертью и разрушеніемъ. Знаменательно, что и воскресшая послѣ долгой зимней спячки природа соединяется въ это время съ людьми воедино на этомъ торжественнѣйшимъ празднествѣ жизни.

Почему же такъ радостенъ, такъ наобычайно торжественъ, такъ свѣтелъ праздникъ Воскресенія? Почему же христіанское человѣчество окружило и окружаетъ это событіе такимъ исключительнымъ, благоговѣйно-восторженнымъ почитаніемъ?

Оставивъ въ сторонѣ важное догматическое значеніе этого событія, мы здѣсь обратимъ вниманіе только на психологическую подкладку такого отношенія къ празднику.

Въ человѣкѣ крѣпко живетъ глубочайшая потребность, какъ бы своего рода инстинктъ безсмертія, въ силу котораго человѣкъ всегда отвращается отъ смерти, квалифицируетъ ее, какъ уклоненіе отъ нормы, какъ несомнѣнное зло. Эта потребность красной нитью проходитъ черезъ всю исторію религій, составляя одинъ изъ важнѣйшихъ нервовъ религіознаго инстинкта и выраженія въ тысячѣ разнообразныхъ способовъ, при помощи которыхъ человѣкъ пытался удовлетворить жажду своего личнаго безсмертія. Такъ набожный и жадный до жизни египтянинъ тщательно бальзамируетъ тѣла своихъ покойниковъ, стремясь предохранить ихъ отъ разрушенія, и воздвигаетъ для нихъ грандіозныя гробницы, которыя переживаютъ тысячелѣтія. Правовѣрный мусульманинъ—изнѣженный житель гарема—послѣ смерти переселяется въ общество прекрасныхъ гурій и, такимъ образомъ, лишь мѣняетъ свой прежній гаремъ на другой, болѣе лучшій. Мы всѣ знаемъ, что должны умереть, но не вѣримъ „въ это“—выразился одинъ французскій писатель. Пока мы живы, мы не можемъ вполнѣ реально представить себя въ видѣ трупа. Видъ трупа,—человѣкъ ли то, или животное,—вызываетъ у насъ чувство тревоги, страха и отвращенія, какъ созерцаніе чего-то глубоко ненормальнаго и посему не долженствующаго быть. И вотъ въ воскресшемъ Христѣ, „первенцѣ изъ умершихъ“, мы имѣемъ это фактическое упраздненіе смерти, радостно привѣтствуемъ первую полную, хотя пока и единственную, побѣду надъ этимъ исконнымъ врагомъ человѣчества.

И горе, поистинѣ горе, тому человѣку, который въ силу отсутствія вѣры неспособенъ воспринять въ себя это глубокое значеніе совершившагося радостнаго событія побѣды надъ смертію.

„Слушай, слушай большую идею“, такъ говоритъ извѣстный герой Достоевскаго,—„былъ на землѣ одинъ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ

ПЕТРЪ ПРОЗОРОВЪ.

Передъ Свѣтлой Заутреней.

Не изъ келій выходятъ затворницы
За черту монастырскихъ оградъ,
Рамы зимнія сбросили горницы
И впиваютъ полей ароматъ.
Какъ недавно слезой опечалены
И вдругъ радостью вспыхнувшій взглядъ,
Какъ фіалки на темныхъ проталинахъ
Въ окнахъ вешнія звѣзды горятъ...
Все, что есть дорогого, прекраснаго,
Все, чѣмъ сладокъ домашній укладъ,
Къ Дню Великому Праздника Краснаго
Расцвѣло словно радостный садъ.
Одаренъ золотыми заботами
Православной семьи обиходъ,
И не даромъ Господней работою
Трудъ хозяйки въ Страстную слыветъ.
Притомились, родныя, умаялись,
Приходилось не разъ тяжело,
Богъ помогъ—обрядились, управились,
И на сердцѣ легко и свѣтло.
Дышатъ праздникомъ комнаты чистыя,
Перемытыя стекла блестятъ,
И бѣлы занавѣски сквозистыя,
Какъ невѣсты вѣнчальный нарядъ.
Отъ иконъ съ золотыми окладами
Льется свѣтлой струей благодать;
Хорошо въ тишинѣ подъ лампадами
Предъ Заутреней Свѣтлой дремать.

Передъ Свѣтлой Заутреней.

на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: „будешь сегодня со Мною въ раю". Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдывалось сказанное. Слушай: Этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣмъ, что на ней, безъ Этого Человѣка—одно сумасшествіе. Не было ни прежде, ни послѣ Его такого же, никогда, даже до чуда. Въ томъ и чудо, что не было и не будетъ такого же никогда. А если такъ, если законы природы не пожалѣли и Этого, даже чудо свое не пожалѣли, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало быть самые законы планеты ложь и діаволовъ водевиль. Для чего же жить, отвѣчай, если ты человѣкъ?"

Такъ говоритъ у Достоевскаго одинъ честный атеистъ — Кирилловъ другому нечестному атеисту Петру Верховенскому. Много передумалъ Кирилловъ на темы о Богѣ, о жизни и потому то онъ съумѣлъ въ немногихъ словахъ такъ глубоко захватить и поставить вопросъ о смыслѣ жизни и той пропасти, которая открывалась передъ умственнымъ взоромъ послѣдователей Христа, еще не искушенныхъ въ своей вѣрѣ, когда они увидѣли Его умершимъ.

До такой страшной въ своей глубинѣ пропасти доходитъ тотъ человѣкъ, для котораго Христосъ умеръ, для котораго Онъ только трупъ.

„О, если бы я могъ въ Него повѣрить,
Съ какимъ бы я раскаяньемъ палъ ницъ,
Какія бъ лилъ горячія я слезы,
Какія бы молитвы я нашелъ!..
О горе мнѣ, что не могу я вѣрить"!

Такъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній А. Толстой.

„Чѣмъ, чѣмъ возвратить вѣру"? спрашиваетъ маловѣрная дама въ „Братьяхъ Карамазовыхъ". Конечно, только самой же вѣрой, чистой дѣтской, безпретенціозной вѣрой—скажемъ мы. Вѣрой въ то, что есть Богъ, и, что очень важно, въ то, что смерти нѣтъ, что побѣдилъ ее Воскресшій Христосъ, что существуетъ только безсмертіе, которое даетъ весь смыслъ нашему существованію здѣсь на землѣ.

Въ чудной поэмѣ Константина Романова „Царь Іудейскій" есть мѣсто, гдѣ Никодимъ передаетъ свое состояніе сомнѣнія:

„Всегда и раньше умъ боролся съ сердцемъ;
Но никогда борьба глухая эта
Меня не мучила такъ нестерпимо,
Какъ въ эти дни — нѣтъ, даже и не дни —
Въ часы, протекшіе съ минувшей ночи"...

Но вотъ прошло сомнѣніе, и тотъ же Никодимъ такъ обращается съ молитвой къ Богу:

„Прости, мой Богъ, лукавому сомнѣнью,
Прости, что вѣра немощна моя!
Всевѣдущій, души моей зиждитель,
Отъ вѣка знаешь Ты, какъ умъ мучитель
И гордаго познанія змѣя
Отравою намъ сердце наполняютъ,
Его язвятъ и жалятъ и терзаютъ.
Но нынѣ, Боже, вѣрой осѣня,
Ты, маловѣрнаго, прости меня.
— Не одному себѣ молю прощенья,
Но всѣмъ, кто тѣ же горькія мученья,
Подъемля жизни повседневный трудъ,
Въ грядущіе вѣка переживутъ“.

Такимъ путемъ искушеній укрѣпляется вѣра. И препобѣждаетъ всѣ эти муки и сомнѣнія Воскресшій Христосъ. И, преклоняясь предъ фактомъ Воскресенія, человѣкъ уже не смущается крестнымъ страданіемъ и смертью Христа, для него жизнь перестаетъ быть, какъ для Кириллова, дьявольскимъ водевилемъ, а получаетъ высокій смыслъ и значеніе.

Не мудрствуя лукаво, не поддаваясь хитрымъ нашептываніямъ искусителя—разума, необходимо проникнуться простой вѣрой дѣтей, или тѣхъ, которые по своимъ несложнымъ переживаніямъ напоминаютъ дѣтей. Именно они, люди простые, своимъ непосредственнымъ чувствомъ, способны часто на то, на что не бываетъ способенъ такъ называемый культурный погрязшій въ безконечныхъ рефлексіяхъ человѣкъ. Вспомнимъ разсказъ Чехова: „Студентъ“, въ которомъ говорится о томъ, какъ студентъ духовной академіи Иванъ Великопольскій, возвращаясь вечеромъ въ великую пятницу домой съ охоты, забрелъ на огороды къ костру, около котораго были двѣ женщины: мать и дочь. Студентъ, между прочимъ, началъ разсказывать имъ про отреченіе Петра. Студентъ, окончивъ разсказъ, „вздохнулъ и задумался. Продолжая улыбаться, Василисса вдругъ всхлипнула, слезы, крупныя, изобильныя, потекли у нея по щекамъ, и она заслонила рукавомъ лицо отъ огня, какъ бы стыдясь своихъ слезъ, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснѣла, и выраженіе у нея стало тяжелымъ, напряженнымъ, какъ у человѣка, который сдерживаетъ сильную боль... Теперь студентъ думалъ о Василиссѣ: если она заплакала, то, значитъ, все, происходившее въ ту страшную ночь съ Петромъ, имѣетъ къ ней какое-то отношеніе... Если Василисса заплакала, а ея дочь смутилась, то, очевидно, то, о чемъ онъ только что разсказывалъ, что происходило девятнадцать вѣковъ назадъ, имѣетъ отношеніе къ настоящему—къ обѣимъ женщинамъ и, вѣроятно, къ этой пустынной деревнѣ, къ нему самому, ко всѣмъ людямъ. Если старуха заплакала, то не потому, что онъ умѣетъ трогательно разсказывать, а потому, что Петръ ей близокъ, и потому, что она всѣмъ своимъ существомъ заинтересована въ томъ, что происходило въ душѣ Петра. И радость вдругъ заволновалась въ его душѣ, и онъ даже остановился на минутку, чтобы перевести духъ“.

Такъ обаятельно дѣйствуетъ на другихъ эта радость дѣтской вѣры. Видя предъ собой проявленія чистой радости людей неискушенныхъ, невольно заражаются ею и тѣ, которые далеко отошли отъ непосредственныхъ переживаній малыхъ силъ. Тотъ же Чеховъ въ своемъ удивительно поэтическомъ разсказѣ „Святою ночью“, между прочимъ, говоритъ: „Молитвъ вовсе нѣтъ, а есть какая-то сплошная, дѣтски-безотчетная радость, ищущая предлога, чтобы только вырваться наружу и излиться въ какомъ-нибудь движеніи, хотя бы въ безпардонномъ движеніи и толкотнѣ“. И эта радость такъ была велика, что она захватила собой даже невѣрующаго Чехова, который по его словамъ „слился съ толпой и заразился всеобщимъ радостнымъ возбужденіемъ“.

Пожелаемъ же отъ всего сердца, чтобы въ эту ночь Воскресенія радость Церкви, радость Никодимовъ и Василиссъ заполнила не одни только храмы, не однихъ только вѣрующихъ, но чтобы она проникла и въ души невѣрующихъ, чтобы она освѣтила своимъ ласкающимъ свѣтомъ ихъ умы, чтобы она согрѣла своимъ тепломъ ихъ холодныя сердца.

Пусть, когда „небеса веселятся“ и „земля радуется“, пусть эта радость хоть на одинъ день наполнитъ собой весь суетный міръ.

А. САВОСТЬЯНОВЪ.

Свѣтлое Христово Воскресеніе

и празднованіе Святой Пасхи въ изображеніи поэзіи.

У насъ, обыкновенно, очень мало обращалось вниманія на поэтическія произведенія, посвященныя евангельскимъ событіямъ земной жизни Господа нашего Іисуса Христа. Больше всего пользуются широкой извѣстностью только стихотворенія Надсона „Іуда, Никитина „Моленіе о Чашѣ“ да, можетъ быть, еще Апухтина подъ такимъ же заглавіемъ „Моленіе о Чашѣ“. Между тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что существуетъ громадное множество высоко-поэтическихъ, прекрасныхъ стихотвореній, вызванныхъ событіями земной жизни нашего Господа вообще, а въ частности послѣдними днями Его искупительныхъ страданій за погрязшій въ грѣхахъ родъ человѣческій и славной побѣды надъ смертью и адомъ въ величайшемъ міровомъ чудѣ свѣтлаго Христова Воскресенія.

Среди разнообразныхъ религіозныхъ стихотвореній какой-то особой поэзіей обвѣяны именно Пасхальныя, воспѣвающія и прославляющія съ необыкновеннымъ умиленіемъ и безграничнымъ ликованіемъ славное воскресеніе Христа подобно тому, какъ и церковныя Пасхальныя пѣснопѣнія отличаются такой же безграничной и несравненной радостью, производя обаятельное дѣйствіе на души православныхъ христіанъ и людей другихъ вѣроисповѣданій.

Въ самомъ фактѣ воскресенія изъ мертвыхъ и побѣды надъ смертью и адомъ Іисуса Христа даже безъ стихотворной поэтической формы все какъ-то само собой, въ высшей степени поэтично, хотя бы уже по одному тому, что нашему ограниченному уму совершенно непостижимо это свѣтлое, радостное событіе, непонятно также и то состояніе, въ какомъ находился Іисусъ Христосъ послѣ Своего воскресенія. Нечего, конечно, удивляться тому, что чуткія поэтическія души одаренныхъ людей обращались своимъ вдохновеніемъ къ этимъ великимъ и свѣтлымъ событіямъ завершенія искупительной жертвы Христовой и Его земного служенія человѣчеству.

Вслѣдствіе указаннаго, поэтическія произведенія, въ которыхъ отразилась жизнь нашего Божественнаго Спасителя, а также и Его ученіе, имѣютъ для христіанина всегда громадное значеніе, вознося при помощи вдохновенныхъ поэтическихъ образовъ наши души въ міръ заоблачный, небесный отъ повседневной суеты житейской, мелкихъ дрязгъ, безпросвѣтной злобы и другихъ болѣе тяжкихъ прегрѣшеній, въ которыхъ мы всѣ погрязаемъ. Но, если всегда „вѣщій глаголъ“ поэта будилъ уснувшія души и заставлялъ трепетать окаменѣвшія людскія сердца, то въ наше тяжелое и мрачное время усиленія безбожія и край-

ней грѣховности и распущенности небесные глаголы религіозныхъ поэтическихъ произведеній особенно необходимы падшему человѣчеству, чтобы нѣсколько очистить сгустившуюся грѣховную атмосферу, чтобы разрядить накопившееся зло и заставить наши сердца, хоть изрѣдка, забиться чистой, свѣтлой радостью истинныхъ чадъ Святой Православной Церкви.

Среди такихъ произведеній поэзіи, которыя могли бы пробудить въ нашихъ истрадавшихся душахъ безпредѣльную радость, первое мѣсто, конечно, занимаютъ стихотворенія, посвященныя Свѣтлому Христову Воскресенію. Какъ бы велика ни была печаль, какъ бы ни страдало измученное сердце, но слова Пасхальнаго пѣснопѣнія: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертью смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ“, а вмѣстѣ съ этимъ и поэтическія произведенія, воспроизводящія это радостное событіе, вливаютъ въ душу сладостный бальзамъ, исцѣляющій муку, заживляющій раны и тѣлесныя и духовныя.

Какъ вы видите, въ самомъ дѣлѣ, есть чему радоваться!

Вѣдь, мы хорошо знаемъ, что всѣ люди, хоть на одинъ день, хоть даже всего на нѣсколько часовъ, не все же забываютъ вражду, перерождаются своей душой, отрѣшаются отъ злобы и ненависти.

Смыслъ и сущность воскресенія Христова пытается объяснить легенда о скованномъ сатанѣ, переложенная въ стихи. Въ ней мы находимъ изображеніе побѣды Спасителя надъ адомъ и сатаной. Побѣдитель смерти—Христосъ, ниспровергнувъ адъ, заключаетъ въ оковы сатану и указываетъ, что цѣпь, сковывающая князя тьмы, не распадется до тѣхъ поръ, пока хоть кто-нибудь на землѣ съ искренней любовью всѣмъ сердцемъ отзовется на ангельское пѣніе въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія горячимъ отвѣтомъ: „Воистину воскресъ!“ Этимъ какъ бы подчеркивается сущность празднованія Пасхи, необходимость для людей раскрытія своей души навстрѣчу радостному Празднику праздниковъ, обусловливается установленіе тѣснаго единенія, живой связи съ Избавителемъ.

Изобразивъ злобное ликованіе сатаны по случаю Крестной смерти Христа, легенда даетъ намъ такую картину: сатана подходитъ къ святому гробу Спасителя, и

„Ты умеръ!“ шепчетъ онъ. Вдругъ—чудо изъ чудесъ:
Явился юноша въ одеждѣ бѣлоснѣжной,
Онъ камень отвалилъ отъ гроба и—воскресъ
Распятый на крестѣ. И въ страхѣ духъ мятежный
Услышалъ, какъ земля и небо сотряслись
Отъ пѣнья ангеловъ: „Воскресъ Христосъ, поправшій
Своею смертью смерть и мертвымъ даровавшій
Спасеніе и жизнь!“ Тѣ звуки понеслись
На землю съ небеси, достигли преисподней
Куда низринулся дрожавшій сатана,
Почувствовавшій днесь, что волею Господней
Адъ пораженъ и власть Его сокрушена.
И онъ притихъ. И вотъ, какъ смерти Побѣдитель,
Въ сопровожденіи небесныхъ свѣтлыхъ силъ,
Во адъ приниженный спустился Искупитель,
И взоръ божественный на сатану вперилъ,
Не вынесъ сатана божественнаго взгляда
И въ трепетѣ поникъ передъ Царемъ царей.
И цѣпью ангелы сковали князя ада,
И рекъ ему тогда воскресшій Назорей:
„Глаголю Я тебѣ и знай: не распадется
Дотолѣ эта цѣпь, сковавшая тебя,
Покуда на землѣ хоть кто-нибудь, любя,
Въ день Воскресенія всѣмъ сердцемъ отзовется
На пѣнье ангеловъ съ небесъ:
„Воскресъ! Воистину Воскресъ!“

Особенно усиленное вниманіе удѣляетъ поэзія первой вѣсти на землѣ о радостномъ событіи воскресенія Христова. Валерій Брюсовъ, Огаревъ, Фофановъ, Городецкій, Соловьевъ, Ивановъ и цѣлый рядъ другихъ поэтовъ выбираютъ для своего вдохновенія этотъ въ высшей степени поэтическій и трогательный сюжетъ, когда жены-мѵроносицы еще въ предразсвѣтномъ сумракѣ спѣшатъ ко гробу Спасителя съ ароматами для помазанія Его божественнаго тѣла. Въ душахъ этихъ святыхъ и преданныхъ Христу женщинъ страхъ борется съ непреодолимой потребностью хоть еще одинъ разъ взглянуть на своего Учителя и Бога. Недоумѣнье и сомнѣнье закрадывается даже въ ихъ души. Горе, невыразимое горе давитъ ихъ тяжелымъ камнемъ. Но любовь къ Страдальцу такъ велика, что противостоять ей онѣ не могутъ. И за это дается имъ величайшая награда—онѣ первыя узнаютъ о чудесномъ воскресеніи, онѣ видятъ свѣтоносныхъ ангеловъ, онѣ первыя лобызаютъ святой гробъ и пелены, покрывавшія тѣло Господа.

Просто и торжественно повѣствуетъ объ этомъ въ своемъ стихотвореніи С. Городецкій.

„Солнце плыло изъ-за утренней земли.
Мѵроносицы ко гробу тихо шли.
Скорбь овѣяла ихъ облакомъ сѣдымъ.
Кто у входа камень тяжкій сдвинетъ имъ?
Ароматы держатъ въ трепетныхъ рукахъ.
Выплываетъ солнце въ медленныхъ лучахъ.
Озаряетъ солнце темный, низкій входъ.
Камня нѣтъ! Отваленъ камень. Ангелъ ждетъ.
Ангелъ бѣлый надъ гробницей Божьей всталъ,
Мѵроносицамъ испуганнымъ сказалъ:
— „Не ищите Іисуса: Онъ воскресъ!
Онъ на небѣ и опять сойдетъ съ небесъ“.
Тихій ужасъ, сладкій трепетъ и восторгъ
Вѣстникъ чуда изъ сердецъ двухъ женъ исторгъ.
Лобызаютъ ткани праздныя пеленъ.
Солнце всплыло. Въ небѣ свѣтлый, вѣчный звонъ“.

Цѣлый рядъ стихотвореній посвящается самой ревностной мѵроносицѣ и послѣдовательницѣ Христовой—Маріи Магдалинѣ, которая до самаго конца оставалась при Крестѣ, присутствовала при погребеніи. Среди этихъ стихотвореній обращаетъ на себя вниманіе принадлежащее перу А. Иванова. Приведемъ выдержку:

„И вотъ воскресъ Христосъ, низвергнувъ смерть во прахъ,
Когда еще туманъ курился по долинѣ,
И въ славѣ Божества, при утреннихъ лучахъ,
Предсталъ рыдающей Маріи Магдалинѣ.
„Равви, Учитель мой!“ воскликнула она;
Восторгомъ пламеннымъ смѣнилося рыданье:
Возсталъ въ Христѣ Адамъ и Ева прощена.
И прозвучало всѣмъ къ безсмертію призванье.
О, свѣтлый день! Воистину субботъ
Ты—царь и господинъ, во вѣкъ благословенный!
Ты намъ приносишь миръ, забвеніе невзгодъ
И слухъ ласкаешь нашъ мелодіей священной!“

Здѣсь А. Ивановъ личную радость Маріи Магдалины очень удачно и мастерски соединяетъ съ радостью всего міра, получившаго надежду на безсмертіе и райское блаженство. Первой провозвѣстницей этого свѣтлаго будущаго является святая мѵроносица, имя которой въ евангельскомъ повѣствованіи связано неразрывно съ первой вѣстью о воскресеніи. Поэтому ликованіе Маріи Магдалины непосредственно переходитъ въ ликованіе всего міра, который при звукахъ торжественной пѣсни „Христосъ воскресе!“ наполняется радостью и веселіемъ, забывая и горе, и муки, и смерть.

Какой безпредѣльной радостью звучитъ стихотвореніе А. Майкова:

„Подъ солнцемъ вьются жаворонки,
Поютъ: Христосъ воскресе!
По всѣмъ кустамъ малиновки
Поютъ: Христосъ воскресе!
Во всѣ окошки ласточки
Кричатъ: Христосъ воскресе!
Сердца у дѣвъ и юношей
Поютъ: Христосъ воскресе!
И всѣмъ въ отвѣтъ могилушки:
Воистину воскресе!"

Здѣсь представлено намъ ликованіе всей природы, которое соединяется съ ликованіемъ человѣчества и этимъ еще болѣе усиливаетъ нашу радость по случаю торжественнаго празднованія ежегоднаго Свѣтлаго воспоминанія о чудесномъ воскресеніи Господнемъ. Весеннее возрожденіе природы послѣ зимней стужи и омертвѣнія является живымъ прообразомъ и нашего будущаго воскресенія во Христѣ и нашего возрожденія отъ грѣховной жизни, мертвящей наши души на подобіе того, какъ морозъ временно убиваетъ въ растительномъ царствѣ всѣ жизненныя силы. Поэтому, изображая всеобщее ликованіе и торжество, нельзя не привести замѣчательнаго стихотворенія К. Фофанова, въ которомъ представлено это чудесное возрожденіе природы, когда

„Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ
И подъ звонъ колоколовъ,
Къ намъ летитъ весна изъ дальнихъ,
Изъ полуденныхъ краевъ.
Въ зеленѣющемъ уборѣ
Млѣютъ темные лѣса
Небо блещетъ, точно море,
Море—точно небеса.
Сосны въ бархатѣ зеленомъ,
И душистая смола
По чешуйчатымъ колоннамъ
Янтарями потекла.
И въ саду у насъ сегодня
Я замѣтилъ, какъ тайкомъ
Похристосовался ландышъ
Съ бѣлокрылымъ мотылькомъ".

Эту же самую мысль высказываетъ также и Полонскій въ стихотвореніи „Свѣтлое Воскресеніе". Приводимъ изъ него выдержку, касающуюся интересующаго насъ весенняго возрожденія природы:

„Третья вѣсть была необычайна:
Богъ воскресъ и смерть побѣждена!
Эту вѣсть побѣдную примчала
Богомъ воскрешенная весна...
И кругомъ луга зазеленѣли,
И тепломъ дохнула грудь земли,
И, внимая трелямъ соловьинымъ,
Ландыши и розы зацвѣли".

Люди подъ вліяніемъ радости возрождаются вмѣстѣ съ природой, въ ихъ душахъ загорается лучъ Христовой любви, они становятся способны на всепрощенье, забвеніе обидъ и раскрываютъ свои братскія объятья, чтобы заключить въ нихъ въ этотъ радостный моментъ пѣнія побѣдной пѣсни цѣлый міръ Божій. Такое ликованіе, такой восторгъ находятъ самое живое отраженіе въ поэзіи, потому что приближаетъ нашъ міръ къ великому идеалу, правда, очень и очень далекому еще отъ воплощенія и проведенія въ постоянную повседневную человѣческую жизнь. Но человѣчество мечтаетъ объ этомъ идеалѣ, поставленномъ предъ лицемъ міра Іисусомъ Христомъ, оно грезитъ о немъ постоянно и непрерывно, и лучшіе люди болѣютъ душей своей, что міръ истекаетъ кровью, дрожитъ отъ злобы и ненависти и не слышитъ призыва Христа.

Поэтому тѣмъ нужнѣе, тѣмъ необходимѣе кричать объ этой братской любви на весь міръ, чаще напоминать о ней людямъ, а особенно въ дни Святой Пасхи. Это необходимо для того, чтобы люди могли достойнѣе отпраздновать Воскресеніе Господне, такъ какъ этотъ Свѣтлый Праздникъ является праздникомъ любви, побѣдившей грѣхъ, проклятіе и смерть. Такимъ именно настроеніемъ отличается стихотвореніе Е. Балясниковой:

„Сіяетъ солнце. Ликуютъ горы.
Съ полей печальный коверъ исчезъ...
Горятъ восторгомъ людскіе взоры,
Повсюду радость: „Христосъ Воскресъ!"
Проснулись рѣки—и мчатся къ морю,
Зардѣлись долы, очнулся лѣсъ...
Забыты бури. Играютъ зори
Поетъ все хоромъ: „Христосъ Воскресъ!"
Настала Пасха: И люди—братья,
И звонъ несется въ лазурь небесъ...
Забыты ссоры, вездѣ объятья,
Повсюду слышно: „Христосъ Воскресъ!"

Есть цѣлый рядъ стихотвореній, посвященныхъ воспѣванію Святой Пасхальной ночи, которая благотворно дѣйствуетъ на душу человѣческую. Это обаяніе Пасхальной ночи такъ чудесно, что каждый спрашиваетъ самого себя съ невольнымъ изумленіемъ: откуда во мнѣ эта удивительная перемѣна? Что произошло со мной?

„Отчего въ эту ночь свѣтлоокую
Бьется сердце сильнѣе въ груди,
И надежда на радость далекую
Заблистала лучемъ впереди?
Отчего среди волнъ пѣснопѣнія
Вѣсть воскресшая мощно звучитъ,
И, откинувъ оковы сомнѣнья,
Очарованный разумъ молчитъ?
Отчего хоть на мигъ забывается
И вражды и насилія мракъ,
И, цѣлуясь, какъ братъ, обнимается
Съ прежнимъ недругомъ плачущій врагъ?
Отчего нѣтъ въ молитвахъ проклятія,
Нѣтъ ужъ больше тяжелыхъ угрозъ?
И для всѣхъ раскрываетъ объятія
Къ вѣчной жизни воскресшій Христосъ!"

Въ этомъ стихотвореніи, принадлежащемъ перу Н. Шульговскаго, послѣ поставленныхъ вопросовъ, сразу же дается и отвѣтъ, объясняющій причину чудесной особенности Святой ночи—Воскресеніе Христа къ вѣчной жизни. Вотъ почему трепетная радость наполняетъ наши души. Вотъ почему сердце усиленно бьется въ груди. Для того, чтобы написать такое стихотвореніе, надо поэту глубоко проникнуть въ сущность Христова ученія, надо быть горячимъ, искреннимъ христіаниномъ.

Въ другомъ стихотвореніи, посвященной той же темѣ, Сафоновъ рисуетъ намъ напряженное ожиданіе всей земли, всего міра того великаго момента, когда Христосъ воскресъ.

„Святая ночь, посланница Господня,
Еще глядитъ, безмолвная, съ небесъ.
Но міръ не спитъ: онъ молится сегодня,
Онъ сердцемъ чистъ, онъ любитъ, ждетъ чудесъ.
Какъ глубоко, какъ свято ожиданье
Объятой тьмой, томящейся земли...
Блѣднѣй лазурь, и трепетнѣй сіянье
Святыхъ лампадъ, мерцающихъ вдали...
И вдругъ—огнемъ желаннаго разсвѣта
Озарены поля, долины, лѣсъ...
Заря идетъ! Внемлите, братья! Это —
Христосъ воскресъ!"

Лучше нельзя выразить этой мысли. Сафоновъ удачно воспользовался контрастами мрака и свѣта, томительнаго ожиданія и радостнаго исполненія.

Также мастерски и художественно изображаетъ переживаемыя чувства и настроенія Салтыковъ: „Скажите мнѣ, отчего въ эту ночь воздухъ всегда такъ тепелъ и тихъ, отчего въ небѣ горятъ милліоны звѣздъ, отчего природа одѣвается радостью, отчего сердце у меня словно саднить отъ полноты нахлынувшаго вдругъ веселья; отчего кровь приливаетъ къ горлу, и я чувствую, что меня какъ будто поднимаетъ, какъ будто уноситъ какою-то невидимою волною? „Христосъ воскресъ!“ звучатъ колокола, вдругъ загудѣвшіе во всѣхъ углахъ города: „Христосъ Воскресъ!“ журчатъ ручьи, бѣгущіе съ горы въ оврагъ; „Христосъ воскресъ!“ говорятъ шпили церквей, внезапно одѣвшіеся огнями; „Христосъ воскресъ!“ привѣтливо шепчутъ вѣчные огни, горящіе въ глубокомъ, темномъ небѣ; „Христосъ воскресъ!“ откликается мнѣ давно минувшее мое прошлое.

Я еще вчера явственно слышалъ, какъ жаворонокъ, только что прилетѣвшій съ юга, бойко и сладко пропѣлъ мнѣ эту радостную вѣсть, отъ которой сердце мое всегда билось какою-то чуткой надеждой“.

Для полноты картины пасхальнаго торжества и ликованія необходимо отмѣтить, какъ поэзія картинно и реально изображаетъ чудесный Пасхальный звонъ. И это очень важно, такъ какъ особенную прелесть празднованія Пасхи для православныхъ христіанъ представляетъ именно такъ называемый красный Пасхальный звонъ. Весь воздухъ въ дни Пасхи наполняется могучими, радостными звуками колокольнаго звона. Не умолкая, звучатъ колокола всѣхъ церквей.

Хомяковъ въ своемъ стихотвореніи говоритъ:

„И часъ святой насталъ,
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя, затрепеталъ.
Пѣвучіе, серебряные громы
Сказали вѣсть святого торжества“.

В. Лебедевъ съ особеннымъ вниманіемъ изображаетъ Пасхальный звонъ и посвящаетъ ему цѣлое стихотвореніе.

„Раздается звонъ пасхальный
Гулкій, мощный, безпечальный,
Звонъ святого воскресенья
Полный радостнаго пѣнья.
И плывутъ навстрѣчу звону
Облака по небосклону,
Словно тѣни силъ безплотныхъ,
Безначальныхъ, беззаботныхъ.
И цвѣтетъ навстрѣчу звону
По зеленому уклону
Бѣлый ландышъ благовонный,
Новой жизнью опьяненный.
И летитъ навстрѣчу звону,
Вѣренъ вешнему закону,
Мотылекъ новорожденный,
Ароматомъ упоенный.
И трепещетъ въ гулѣ звона
Гладь зеркальнаго затона,
Ширь озеръ, морское лоно...
Ловятъ звона переливы
Всѣхъ земныхъ путей извивы,
И восторгомъ жизни новой
Блещетъ старца взглядъ суровый,
Счастьемъ вѣчнымъ вѣры чистой
Свѣтитъ дѣтскій взоръ лучистый...
Всюду блескъ и пѣснопѣнье,
Звонъ святого воскресенья,
Звонъ любви и всепрощенья,
Умиленья, возрожденья
Къ новой жизни, красотѣ,
Къ новой жизни во Христѣ!“

Читая это дивное, живое стихотвореніе Лебедева, въ которомъ своеобразно изображается пасхальная радость, невольно вспоминаешь, что, по народному повѣрью, въ первый день Святой Пасхи утромъ и солнце играетъ на небѣ. Такъ велика радость воскресенія Господня, такъ живо воспринимается она всѣмъ міромъ!

Изъ приведенныхъ стихотвореній мы видимъ, какъ наши поэты разносторонне изображаютъ свои чувства и ликующее настроеніе всего свѣта. А сколько существуетъ описаній въ стихахъ и въ беллетристическихъ произведеніяхъ празднованія Пасхи людьми! Сколько есть разсказовъ, посвященныхъ художественному описанію Пасхальной заутрени! Изъ множества этихъ произведеній напомнимъ замѣчательный разсказъ В. Короленка: „Старый звонарь“, отличающійся безподобной трогательностью и тихой грустью. Въ немъ мы встрѣчамъ несравненное описаніе Пасхальнаго звона и душевное настроеніе стараго звонаря Михеича, вспоминающаго свою печальную жизнь. Горбуновъ-Посадовъ даетъ описаніе заутрени и своихъ настроеній, вызванныхъ пасхальнымъ торжествомъ, въ большомъ оригинальномъ стихотвореніи: „Въ Христову ночь“.

Приведемъ отрывокъ:

„Но вотъ сквозь полумракъ блеснулъ подъятый Крестъ,
На золотыхъ шестахъ хоругви задрожали,
Лучъ фонаря сверкнулъ на тусклыхъ образахъ,
И ризы пастырей тревожно замерцали...
Въ какомъ-то облакѣ таинственной печали
Прошли они искать измучившійся прахъ
И не нашли его въ могильной сѣни...
Но ихъ не обуялъ смертельный, тяжкій страхъ,
И поднялись они на паперти ступени,
И бросился народъ за ними жадно вслѣдъ...
Раскрылися врата, и брызнулъ яркій свѣтъ,
И гимнъ любви, смерть смертью побѣдившей,
Помчался надъ толпой, въ молчаніи застывшей!..“

Но всего не только не перескажешь, но даже и не перечислишь. Такъ много поэтическій геній создалъ замѣчательныхъ перловъ, въ которыхъ изобразилъ великое ликованіе по случаю Святой Пасхи Господней.

Теперь остается сказать объ одномъ важномъ фактѣ, тѣсно связанномъ съ Воскресеніемъ Христовымъ и отмѣченномъ также и поэзіей. Это—отношеніе живыхъ людей къ умершимъ. Послѣ побѣды Іисуса Христа надъ смертью для христіанъ нѣтъ мертвыхъ, для насъ всѣ живы, есть только ушедшіе изъ этой земной жизни въ иной невѣдомый намъ міръ. Поэтому христіане устанавливаютъ тѣсную связь съ людьми, отошедшими въ загробный міръ. Во время празднованія Святой Пасхи эта связь чувствуется какъ-то живѣе, чѣмъ въ обыкновенной повседневной жизни. На Пасху хочется тѣснѣе слиться съ душами умершихъ, а поэтому установился обычай посѣщать родныя могилы, христосоваться и съ тѣми, которые оживутъ при второмъ славномъ пришествіи Христа.

Приведемъ замѣчательное стихотвореніе Придворова, написанное имъ на основаніи преданія, отмѣченнаго въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ:

„Святой отецъ сошелъ въ пещеры
Отдать угодникамъ поклонъ.
Мощамъ святымъ, исполненъ вѣры,
Несетъ привѣтъ пасхальный онъ.
Идетъ монахъ отъ раки къ ракѣ.
Молитва старца горяча.
Роняя воскъ, въ подземномъ мракѣ
Мерцаетъ трепетно свѣча.
Возноситъ духъ мощей нетлѣнье.
Безсмертьемъ воздухъ напоенъ.

И мнится старцу: дуновенье
Загробной жизни чуетъ онъ.
И, павъ смиренно у распятья,
Зря красоту святыхъ тѣлесъ,
Воскликнулъ онъ, раскрывъ объятья:
„Отцы почившіе и братья,
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!"
И—точно пѣнье въ райскихъ сферахъ,
Подобенъ музыкѣ небесъ,
Пронесся тихій гласъ въ пещерахъ
Въ отвѣтъ: „Воистину воскресъ!"

Вотъ какъ разносторонне представлено всеобщее ликованіе вдохновенными поэтами, изобразившими даже особенности Православной Пасхи.

Кромѣ того, поэзія затрагиваетъ въ своихъ произведеніяхъ еще очень важный вопросъ—о достойномъ празднованіи Свѣтлаго Христова Воскресенія. Въ многочисленныхъ стихотвореніяхъ мы находимъ указанія на необходимость искренняго покаянія во грѣхахъ, а также на помощь для бѣдныхъ и нуждающихся.

Но и на этомъ наша поэзія не останавливается. Она доводитъ свою мысль до окончательнаго логическаго вывода. Побѣда Христа надъ адомъ и смертью часто связывается въ поэзіи съ мыслью о необходимости непрерывной борьбы съ темными силами, слѣдуя показанному примѣру Побѣдителя смерти и ада.

Эту мысль выражаетъ Алексѣй Толстой:

„Воспой же, страдалецъ, воскресную пѣснь,
Возрадуйся жизнію новой!
Исчезла косчѣнія долгая плѣснь,
Воскресло свободное слово!
Того, Кто оковы души сокрушилъ,
Да славитъ немолчно созданье!
Да хвалитъ торжественно Господа Силъ,
И солнце, и мѣсяцъ, и хоры свѣтилъ,
И всякое въ мірѣ дыханье!
Блаженъ, кому нынѣ, Господь, предъ Тобой
И мыслить и молвить возможно!
Съ безтрепетнымъ сердцемъ и съ теплой мольбой
Во имя Твое онъ выходитъ на бой
Со всѣмъ, что неправо и ложно!
Раздайся жъ, воскресшая пѣсня моя,
Какъ солнце взойди надъ землею!
Расторгни убійственный сонъ бытія
И, свѣтъ лучезарный повсюду лія,
Громи, что созиждено тьмою!"

Въ этомъ задача современной намъ жизни! Поэтъ пророчески высказалъ свою мысль, не предполагая, что она такъ скоро пригодится и сдѣлается даже лозунгомъ идущихъ за нимъ поколѣній.

С. П. БѢЛАЙЦЪ.

Отшельникъ.

Фантазія.

При княженіи Мономаха жилъ въ Кіевѣ старичекъ-священникъ съ двадцатилѣтнимъ сыномъ, котораго онъ готовилъ себѣ въ преемники. Однако, молодой человѣкъ не очень хотѣлъ быть мірскимъ священникомъ: ему болѣе по душѣ было пустынножительство, онъ мечталъ удалиться куда нибудь въ лѣсъ подальше отъ людей и мірскихъ соблазновъ и тамъ въ постѣ, молитвѣ и благочестивыхъ размышленіяхъ совершенствовать себя; въ то-же время онъ съ болью сердца сознавалъ, что это неисполнимо: родитель не позволитъ; а ослушаться ему даже и въ голову не приходило.

Однажды старый священникъ, пробираясь одинъ пѣшкомъ по лѣсу изъ далекой деревушки, гдѣ напутствовалъ умирающаго, былъ подъ вечеръ поломанъ напавшимъ на него медвѣдемъ. Къ счастью, случился близко бортникъ, возвращавшійся съ осмотра своихъ дупелъ съ медомъ въ лачугу, построенную среди густого орѣшника; услышавъ стоны, онъ бросился на помощь и убилъ медвѣдя топоромъ. Помощь, однако, оказалась безполезной: старый священникъ умеръ на глазахъ лохматаго бортника, съ усиліемъ вымолвивъ только: „спасибо"...

Долго горевалъ сынъ, похоронивъ старика; наконецъ, однимъ лѣтнимъ утромъ онъ вышелъ съ заткнутымъ, за поясъ топоромъ, съ ножикомъ, трутомъ, кремнемъ и огнивомъ въ сумкѣ, закинутой за плечи, и направился на сѣверъ. Ничто уже не могло помѣшать осуществленію его завѣтной мечты: въ своемъ городѣ онъ не оставлялъ никого родныхъ и отцовской послѣдней воли, чтобы онъ сталъ священникомъ, не было; и шелъ, поэтому, молодой человѣкъ со спокойной душой.

Долго шелъ онъ дремучимъ боромъ; повалилъ трехъ напавшихъ на него медвѣдей, чуть-было не увязъ въ трясинѣ и пришелъ, наконецъ, на обширную поляну, гдѣ росли молодыя елочки на мѣстѣ сожженныхъ когда-то лѣснымъ пожаромъ старыхъ деревьевъ; вокругъ поляны тянулась непроходимая топь, черезъ которую молодой человѣкъ еле и съ большой опасностью для жизни пробрался.

Понравилось мѣсто молодцу, и онъ рѣшилъ остаться тамъ. Не медля долго, онъ принялся рубить деревья и катить ихъ кольями къ мѣсту избранному имъ на избу; много дней онъ работалъ, проводя ночи подъ открытымъ небомъ, и небольшая избушка, наконецъ, была готова. Съ радостью и крестнымъ знаменіемъ занялъ свое жилище молодой отшельникъ, и одинокая жизнь его среди глухого бора потекла мирно и безъ волненій. Изъ дома онъ принесъ съ собой дорогую памятку—большой мѣдный крестъ съ цѣпью, который принадлежалъ его покойному отцу; онъ повѣсилъ его на шею и никогда съ нимъ не разставался. —Каждый день, какъ только всходило солнце, отшельникъ выходилъ изъ избушки, и восклицалъ радостно: „слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!" и своимъ громкимъ, звучнымъ голосомъ пѣлъ Великое славословіе; послѣ этого шелъ на работу, которая состояла либо въ ношеніи сухихъ сучьевъ къ избушкѣ, либо въ собираніи орѣховъ, грибовъ, ягодъ и корней сладкокорника, которыми онъ питался и которые запасалъ на зиму; кромѣ того, онъ рвалъ съ корнями высокую крапиву и мочилъ ее въ болотѣ, чтобы потомъ выпрясть себѣ нитей и сдѣлать одежду... Когда солнце садилось, молодой отшельникъ пѣлъ „Свѣте тихій" и, поѣвъ, ложился спать съ молитвой на устахъ на постели изъ мха и листьевъ.

И такъ прошло лѣто съ осенью и наступила зима. Часто стали собираться и выть голодные волки около избушки отшельника, который, сидя у разведеннаго посрединѣ жилища огня, отъ котораго дымъ выходилъ черезъ дыру въ крытой травою крышѣ, занимался пряденіемъ изъ волоконъ крапивы толстыхъ нитокъ. Когда это было сдѣлано, отшельникъ смастерилъ себѣ крючекъ изъ вѣточки можжевельника и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ пробъ связалъ части платья и длинный балахонъ. Окончивъ заботы объ одеждѣ, онъ принялся плести лапти изъ можжевеловаго лыка...

И потекли годы за годами. Отшельника не тянуло назадъ въ міръ и онъ былъ доволенъ своей жизнью; постоянно трудясь, онъ молился, размышлялъ или пѣлъ духовныя пѣснопѣнія—и лѣсное эхо вторило ему... Каждый лѣтній день вокругъ убѣжища отшельника звучали пѣсни разнообразныхъ пташекъ, а ночами громко щелкали и заливались тысячи соловьевъ. Зимой плакала и завывала вьюга, а отшельникъ,

погасивъ костеръ и заткнувъ дыру, лежалъ и размышлялъ въ темнотѣ. И онъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ—какъ въ раю. Смотря иногда на усыпанное звѣздами или заволоченное темными тучами ночное небо, отшельникъ думалъ о загробномъ мірѣ, который почему-то казался ему далекимъ, чуждымъ и ненужнымъ; онъ тогда испытывалъ приливы грусти оттого, что придется когда нибудь разстаться навѣкъ съ любимымъ убѣжищемъ своимъ; однако онъ силою воли прогонялъ отъ себя невеселыя мысли, и миръ вновь приходилъ въ его душу, а жизнь становилась все привлекательнѣе. Отшельникъ находилъ даже какую-то прелесть въ воѣ волковъ, которые во множествѣ собирались зимой вокругъ его избушки... Богъ же зналъ мысли отшельника и опредѣлилъ ему весьма долгую жизнь.—Отшельникъ постарѣлъ, посѣдѣлъ, какъ лунь, но былъ все время бодръ и жизнерадостенъ и постоянно славилъ Бога. Долгими размышленіями онъ умудрилъ себя и началъ постигать тайны Божіи.

И такъ проходили за годами годы, за ними десятки и сотни, а отшельникъ все жилъ и жилъ; долгая жизнь его ничуть не удивляла: считая себя праведникомъ, онъ тѣмъ не менѣе находилъ вполнѣ естественнымъ то, что Господь даетъ ему насытиться жизнью... Деревья вокругъ избушки отшельника, которую онъ несчетное число разъ подновлялъ и перестраивалъ, старѣлись, падали, гнили и замѣнялись новыми, а отшельникъ все жилъ, питаясь только кореньями, травами, ягодами, грибами и орѣхами, постоянно работая для себя, молясь и размышляя, и былъ счастливъ.

А на свѣтѣ люди родились и умирали, строили города и селенія, открывали новыя земли, вели торговлю, войны между собой и вырубали понемногу дѣвственные лѣса... Селенія начали появляться недалеко отъ убѣжища отшельника, и давно оно было бы открыто, если бы не страшная, непролазная топь, поглощавшая каждаго смѣльчака, который пробовалъ пройти по ея обманчивому зеленому ковру... Но, наконецъ, и топь начала подсыхать, и Богъ тогда перенесъ отшельника во время его сна въ сибирскую тайгу... Проснувшись на мягкомъ моховомъ коврѣ при свѣтѣ восходящаго солнца, которое золотило вершины поднебесныхъ деревьевъ, старецъ долго изумлялся, видя незнакомую мѣстность, и недоумѣвалъ, гдѣ это исчезла его хижина; но, увидя на себѣ свой крестъ, а за поясомъ топоръ, который отъ долгаго хоть нечастаго употребленія почти совсѣмъ истесался, успокоился. Вынувъ изъ сумы висящей на боку два кремешка и трутъ, онъ высѣкъ огня, развелъ костеръ и отправился поискать себѣ пищи... Черезъ мѣсяцъ стояла уже новая хижина, и жизнь отшельника на новомъ мѣстѣ опять потекла спокойно.

И такъ прошло опять много десятковъ лѣтъ. Отшельнику Богъ открывалъ многое; и вотъ однажды наступилъ день, когда старикъ почувствовалъ, что постигъ все, и жизнь вдругъ потеряла для него всю свою прелесть; тутъ только онъ замѣтилъ какъ слѣдуетъ, что онъ жилъ слишкомъ долго, и многое за это время должно было перемѣниться на бѣломъ свѣтѣ; ему припомнилось, что онъ не одинъ на свѣтѣ, а есть другіе люди, о существованіи которыхъ онъ почти совсѣмъ забылъ. Захотѣлось старику посмотрѣть на жизнь своихъ ближнихъ, и однажды яснымъ морознымъ утромъ, обувъ новые лапти, одѣвъ рукавицы изъ толстыхъ конопляныхъ нитокъ, перекрестясь и въ послѣдній разъ взглянувъ на свое жилище, онъ отправился, подпираясь дубовой суковатой палкой, и выбралъ себѣ дорогу на западъ. Шелъ онъ по скрипучему снѣгу сугробовъ, навѣянныхъ пургой, и въ душѣ у него не было прежняго, безмятежнаго покоя, а пустота и что-то въ родѣ раскаянія; онъ чувствовалъ себя очень старымъ и дряхлымъ, — а это чувство недавно было ему незнакомо, — и молился въ душѣ, чтобы Всевышній удостоилъ его хоть разъ взглянуть на людей, а потомъ принялъ душу его къ Себѣ и упокоилъ ее... Подъ вечеръ вышелъ онъ на полянку, гдѣ было зимовье остяковъ. Изъ вершинъ десяти юртъ струйками выходилъ дымъ. Нѣсколько большихъ собакъ бросилось съ лаемъ на старика, но вылѣзшій изъ юрты человѣкъ подозвалъ ихъ къ себѣ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на приближавшагося къ нему отшельника. Тотъ, увидѣвъ человѣка, палъ на колѣна и, сорвавъ колпакъ съ головы, воздѣлъ руки къ небу, горячо благодаря Бога. Онъ испыталъ приливъ какой-то слабости: въ глазахъ потемнѣло, голова закружилась, и ему казалось, что онъ уже умираетъ... Подошедшіе остяки взяли его, ввели въ юрту, усадили на шкурахъ, накормили, напоили старика, разсказывая ломанымъ русскимъ языкомъ, что они занимаются звѣроловствомъ, а, живя въ сосѣдствѣ съ русскими, научились отъ нихъ хлѣбопашеству. Старикъ былъ какъ во снѣ; добродушная болтовня остяковъ, которую онъ очень мало понималъ, казалась ему похожей на жужжаніе дикихъ пчелъ... На другой день старикъ двинулся дальше, провожаемый толпой остяковъ, которые сильно дивились, что онъ такимъ сильнымъ морозомъ одѣтъ такъ легко. Отшельникъ же не чувствовалъ холода—его тѣло было достаточно закалено... Подъ вечеръ передъ отшельникомъ открылось большое русское село съ церковью. Тутъ старика приняли очень радушно, хоть и съ большимъ изумленіемъ. — Сидя въ красномъ углу одной изъ лучшихъ избъ, отшельникъ разговаривалъ съ собравшимися крестьянами, и его старинная рѣчь была почти безъ затрудненія всѣми понята. Крестьяне, хоть спросить не смѣли старика, кто онъ и откуда, смекнули однако, что онъ долженъ былъ долгое время жить въ лѣсу, если обо всемъ, что происходило на свѣтѣ, не знаетъ ничего, и разсказывали ему, что творилось на Руси. Съ ужасомъ узналъ отшельникъ о тиранахъ-большевикахъ, о ихъ неистовомъ глумленіи надъ святынями и спросилъ крестьянъ:

— Что есть безбожіе и какая причина ему? Неужели нашлись люди, что не вѣрятъ въ Бога?

Никто не могъ дать отшельнику отвѣта на его первый вопросъ. Тогда онъ рѣшилъ идти и посмотрѣть— что это за люди, которые осмѣливаются отвергать существованіе Творца вселенной. На другой день крестьяне, снабдивъ своего гостя лучшей одеждой и пищей, разсказали ему про дорогу и отпустили его. Но долго въ селѣ не прекращались разговоры про невѣдомаго старца: его обликъ и рѣчи врѣзались каждому въ память... А отшельникъ шелъ и все думалъ о странной для себя вещи—безбожіи.

Когда отшельникъ перевалилъ черезъ Уральскія горы, то могъ въ городахъ и селеніяхъ видѣть страшное насиліе надъ совѣстью человѣческой и видѣлъ самихъ гонителей. Видъ согбеннаго старичка съ посохомъ, въ лаптяхъ, въ сѣромъ армякѣ, съ крестомъ на груди и его хоть рѣдкія, но проникновенныя слова, которыми онъ разъяснялъ самые запутанные вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ великіе мудрецы годами ломали-бы головы, производили неизгладимое впечатлѣніе. Часто его брали, заключали въ тюрьму, требовали какихъ-то неизвѣстныхъ ему предметовъ—документовъ, грозили смертью. Но отшельникъ очень мало отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы, и тѣ, которые арестовали его, не добившись отъ древняго старикашки ничего путнаго и считая его помѣшаннымъ, отпускали его на всѣ четыре стороны. И ходилъ отшельникъ изъ деревни въ деревню, изъ села въ село, изъ города въ городъ, ночуя гдѣ попало, присматри-

ваясь къ проявленіямъ безбожія и размышляя надъ его причинами. И понялъ онъ, странствуя, что ничѣмъ въ человѣкѣ зло такъ скоро и легко не овладѣваетъ, какъ разумомъ его, хотя онъ и яв яется великимъ и святымъ даромъ Божіимъ душѣ человѣка, и что помраченный разумъ производитъ безбожіе; а такъ какъ Господь далъ старику зрѣть своимъ духовнымъ взоромъ все творящееся въ душѣ каждаго человѣка, то видѣлъ онъ, что безбожники не имѣютъ счастья, что дрязги житейскія крѣпче опутываютъ ихъ, чѣмъ людей вѣрующихъ, и что имъ недоступны тѣ утѣшенія въ скорбяхъ и тихія радости, которыми пользуются вѣрующіе.

Прошла зима, весна съ лѣтомъ и наступила грязная, холодная осень. Лапти старика давно изорвались и онъ ходилъ босикомъ, старенькій армячишко, данный ему крестьянами сибирскаго села, сильно износился и началъ рваться. Всѣмъ было холодно и невесело — но только не старику: онъ понялъ, что Всевышній не напрасно далъ ему такую долгую жизнь: Онъ сохранялъ его въ простотѣ душевной для служенія Себѣ спустя много вѣковъ, чтобы видомъ носимаго креста и словами онъ возбуждалъ святое безпокойство въ душахъ заблудшихъ, ведущее къ раскаянію въ грѣхахъ, и укрѣплялъ борющихся съ воплощеніями демоновъ; а ради этого старикъ радостно двигалъ свои измученныя, измозоленныя ноги и терпѣлъ холодъ и голодъ... Разъ, проходя городомъ, онъ встрѣтился съ такимъ, какъ самъ, старикомъ, который имѣлъ на шеѣ такой самый какъ у него крестъ; осѣнясь крестнымъ знаменіемъ, старики-исповѣдники гонимой вѣры разошлись. Возрадовался бывшій отшельникъ; онъ вспомнилъ, что встрѣченный имъ человѣкъ когда-то пріютилъ его ночевать въ своей избѣ и усердно слушалъ то, что онъ говорилъ.

Прошла, наконецъ, студеная зима и опять пришла весна. Отшельникъ почувствовалъ, что исповѣдническій подвигъ его приближается къ концу. Онъ началъ испытывать страшную слабость; все тѣло его дрожало; ноги еле двигались; глаза уже почти ничего не видѣли; голосъ сдѣлался тихимъ и глухимъ. Онъ молилъ Бога, чтобы принялъ его душу къ Себѣ...

... Была теплая, тихая и ясная безлунная пасхальная ночь... Отшельникъ, измученный ходьбой, сидѣлъ на нерастаявшемъ еще снѣгу подъ кустомъ можжевельника на опушкѣ сосноваго бора и былъ погруженъ въ сонъ. И снилось ему, что свѣтлый ангелъ взялъ его за руку, и они вмѣстѣ поднялись высоко надъ огромной равниной, покрытой густымъ мракомъ, среди котораго сверкали, дрожа и переливаясь, безчисленные огни и огоньки; и сказалъ ангелъ: „эта равнина—твоя родина, а огоньки—люди, работающіе для духовнаго воскресенія ея; и много этихъ святыхъ огней зажжено тобой".

Затрепетало отъ невыразимаго восторга усталое сердце отшельника, и душа его вознеслась къ престолу Всевышняго, а тѣло его мгновенно разсыпалось въ прахъ; крестъ-же расплавился, обратился въ тонкій паръ и паръ расплылся безслѣдно въ ночномъ воздухѣ...

Донесся первый ударъ колокола отъ бѣлѣющей невдалекѣ церкви, за нимъ второй и третій, и полился звонъ—могучій, какъ кличъ свободы, торжественный, какъ пѣсня побѣды, и, какъ рокотъ моря въ тихую погоду, радостный и нѣжный... Колокола пѣли о побѣдѣ свѣта надъ тьмою, добра надъ зломъ и о воскресеніи:

„Христосъ воскресе!

ИВЕРІЙ.

„Страстная Пятница".

(Изъ воспоминаній).

Описываемый случай изъ морской жизни относится къ доброму старому плаванію, когда въ Россіи не было еще великой Сибирской желѣзной дороги. Русское дальнее плаваніе начинало только развиваться, поддерживая рейсы между Одессой и Дальнимъ Востокомъ пятью пароходами Добровольнаго Флота.

Русскіе моряки не были еще избалованы рефрежираторами, электрическимъ освѣщеніемъ и проч. комфортомъ. Запасались въ плаванье „живностью", только отъ порта—до порта, загромождая палубу быками, и сѣномъ, уложеннымъ у „вантъ", выше борта. Питались больше овощными консервами и солонинкой.

Классные пассажиры: военные, чиновники, коммерсанты—съ семьями, искатели приключеній и др. лица, путешествію черезъ всю Сибирь — въ тарантасахъ предпочитали плаваніе по морямъ и океанамъ. Нѣкоторые, хотя и побаивались „страшнаго" плаванія, но побывать въ сказочныхъ странахъ—Египта, Индіи, Китая... интересовались.

Палубные пассажиры: переселенцы и эшелоны войскъ — въ Приморскую область, а ссыльные — на островъ Сахалинъ, направлялись на Дальній Востокъ—моремъ.

На каждый пароходъ, отходящій въ плаваніе изъ Одессы во Владивостокъ съ пассажирами, обязательно назначался и судовой священникъ.

* * *

Прошло восемь сутокъ плаванія изъ Одессы.

Пароходъ „Кострома" шелъ Краснымъ (Чермнымъ) моремъ вдали отъ береговъ, на пути изъ Суэца къ Бабъ-Эль-Мандебскому проливу.

Дневная тропическая жара смѣнилась вечерней прохладой. Чудная звѣздная египетская ночь. Горизонтъ слегка мглистый. Мертвый штиль. Только изрѣдка раздастся рѣзкій звукъ сигнальнаго рожка „впередъ-смотрящаго" матроса съ „марса", усмотрѣвшаго на горизонтѣ отличительные огни встрѣчнаго парохода, идущаго въ Суэцъ, и легкіе всплески волнъ и шумъ брызгъ отъ хода парохода; да на „вахтенномъ мостикѣ" слышны мѣрные шаги и громкій голосъ вахтеннаго офицера, изрѣдка провѣряющаго рулевого:

— На рулѣ! Держать на румбѣ! Не зѣвать!!.

— Есть!—раздается отвѣтъ матроса, — нарушая окружающую таинственную морскую тишину.

И дневная жизнь судового мірка медленно замирала...

* * *

Былъ день Страстной Пятницы.

Въ 8 часовъ вечера на „шканцахъ" была пропѣта вечерняя молитва. Послѣ молитвы каждый изъ палубныхъ пассажировъ спѣшилъ занять на открытой палубѣ свободное мѣсто, постеливъ рядно или простыньку.. Кое гдѣ вспыхнетъ сигарка, слышенъ дѣтскій плачъ, мѣстами тихо балагурятъ, смѣются... „Подвахтенная" команда на „бакѣ" бесѣдуетъ между собой и дѣлится впечатлѣніями минувшаго дня и воспоминаніями о праздникахъ Святой Пасхи на дорогой родинѣ...

Классные пассажиры на „ютѣ", — на верхней палубѣ подъ „тентомъ", за вечернимъ чаемъ, жалуют-

ся на ужасную жару, которая лишаетъ ихъ аппетита и сна. А расположившіяся на парусныхъ креслахъ дамы, вспотѣвшія и безпомощныя, обвѣиваютъ себя вѣерами...

— Скажите! Вы долго еще будете насъ жарить въ этомъ ужасномъ морѣ!?—спросила дама проходившаго мимо морского офицера.

— О, нѣтъ!—галантно поклонившись, отвѣтилъ офицеръ. Красное море, отъ Суэца до Перима, это одно изъ самыхъ тяжелыхъ—въ смыслѣ жары—переходовъ нашего плаванія, длиною 1200 морскихъ миль, которыя мы пройдемъ за 5 сутокъ; затѣмъ Аденскимъ заливомъ, до мыса Гвардафуй — 2 дня. А тамъ... до острова Цейлона—8 сутокъ безбрежнымъ Индійскимъ океаномъ съ прекраснымъ воздухомъ и освѣжающими вѣтрами... Созвѣздіемъ Южнаго Креста и... дивными лунными ночами...

— Успокоили!?. Нечего сказать!.. Благодарю васъ!!.

* * *

На бакѣ „склянки" (колоколъ) пробили 10 часовъ. Смѣна рулевыхъ...

Слышенъ громкій окрикъ вахтеннаго матроса на палубныхъ пассажировъ:

— А ну, кто тамъ забрался на сѣно? Сойдите внизъ съ борта, чего вылѣзли!?

Вдругъ ужасный крикъ нѣсколькихъ голосовъ раздался по палубѣ:

— Человѣкъ за бортомъ!

И на мгновеніе кругомъ все замерло. .

— Стопъ машина! Полный ходъ назадъ! Бросить спасательный кругъ! Команду на верхъ. Шлюпку на воду. Доложить капитану, что человѣкъ упалъ за бортъ,—раздавалась громкая команда вахтеннаго офицера съ мостика.

Между пассажирами произошла паника, скоро перешедшая въ любопытство.

— Кто упалъ? Какъ?.. Почему?—задавали другъ другу вопросы пассажиры.

Одни охали, иные плакали, а большинство, стоя на колѣняхъ и набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, молилось:

— Господи! Спаси раба Твоего...

Въ открытомъ морѣ и на ходу несчастный случай—событіе.

* * *

Назначенная по расписанію команда была на мѣстѣ. Всегда на ходу парохода, вываленная за бортъ для несчастнаго случая—шлюпка, быстро была спущена на воду.

— Отталкивай носъ (шлюпки)! Весла на воду! скомандовалъ рулевой.

И четверка съ гребцами, отваливъ отъ борта, быстро понеслась къ мѣсту паденія человѣка, опредѣляя свое направленіе по мачтамъ и корпусу парохода.

— А кто изъ гребцовъ на шлюпкѣ? — спросилъ капитанъ, шагая по вахтенному мостику.

— Лихіе гребцы, парусники торговаго флота! — отвѣтилъ старшій офицеръ, сосредоточенно разсматривая въ бинокль горизонтъ, не теряя изъ виду удалявшейся шлюпки.

— Найдутъ-ли?

— Если онъ умѣетъ плавать и не попадется акуламъ.

— Дай-то Богъ?... Жаль бѣднягу, если погибнетъ!—произнесъ капитанъ.

* * *

— Навались на весла, навались! Моментъ дорогъ,—подбадривалъ рулевой.

— Если акулы его не разорвали! — отвѣтилъ одинъ изъ гребцовъ.

— Никто, какъ Богъ! Не суждено — не погибнетъ...

Вдругъ, въ сторонѣ отъ шлюпки, послышался отчаянный крикъ.

И вся сила крѣпкихъ, загорѣлыхъ и мускулистыхъ рукъ гребцовъ передалась весламъ, шлюпка быстро рванулась впередъ къ мѣсту крика.

— Но... О, ужасъ! Недалеко на поверхности моря появились зловѣщія свѣтящіяся струи, направляющіяся къ шлюпкѣ. Приближались акулы...

— Господи, помоги! — вырвался вздохъ у гребцовъ.

— Весла по борту! Хватай его, на ходу!—гаркнулъ рулевой, направляя шлюпку между человѣкомъ и акулами.

Все ближе... и ближе, приближается шлюпка... Уже ясно видны: голова, руки, разгребающія воду, слышенъ плескъ волнъ. Вотъ онъ бѣдняга... Еще одинъ послѣдній и страшный мигъ, и онъ отъ страха обезсилившійся, здоровый, юный и красивый, былъ вытащенъ изъ воды и... лежалъ въ шлюпкѣ.

Чтобы понять весь ужасъ трагедіи человѣка, упавшаго ночью за бортъ, въ открытомъ морѣ, нужно самому пережить...

Отъ неожиданнаго спасенія бѣдняга обезумѣлъ отъ радости и со слезами бросился цѣловать и благодарить гребцовъ.

Но время шло. Пароходъ былъ далеко, а за участь шлюпки могли безпокоиться; отдохнули немного и повернули обратно.

И вотъ гребцы, чтобы дать сигналъ: „на шлюпкѣ все благополучно",—среди ночной тишины запѣли: „Спаси, Господи, люди Твоя"...

Къ общей радости, гребцы оказались съ прекрасными голосами и тріо получилось великолѣпное.

Съ кормы парохода уже доносятся радостныя восклицанія пассажировъ и пассажирокъ, забывшихъ даже ужасную жару...

— Ахъ, какъ это очаровательно!.. Какъ прелестно! Но какіе эти моряки отчаянные, въ маленькой „лодочкѣ" на водѣ, и одни.

Шлюпка, все время сопровождаемая акулами, благополучно подошла къ борту парохода, у котораго все было приготовлено для пріема спасеннаго.

— Какъ пассажиръ, невредимъ?! — спросилъ старшій офицеръ приставшую къ борту шлюпку.

— Все благополучно — отвѣтили вспотѣвшіе гребцы.

— Какіе мо-лод-цы! — Слышались возгласы пассажировъ, собравшихся у кормового трапа.

На палубѣ гребцовъ встрѣтили съ нескрываемой радостью. Многіе расчувствовались до слезъ.

Спасенный оказался новобранцемъ, назначеннымъ въ Сибирскій стрѣлковый полкъ.

Отъ пережитыхъ сильныхъ ощущеній нервно-возбужденнаго, его временно помѣстили въ судовой лазаретъ.

Шлюпку подняли на мѣсто...

А пароходъ „Кострома" далъ полный ходъ впередъ и плавно „легъ" (повернулъ) на свой прежній курсъ—на югъ.

* * *

Судовымъ священникомъ въ плаваніе былъ назначенъ Іеромонахъ о. Николай,—изъ Старой Руссы. Ласковый, общительный со всѣми, съ добродушной улыбкой, и всегда занятый въ бесѣдѣ съ переселенцами на религіозную тему, онъ, за нѣсколько дней пребыванія на пароходѣ, снискалъ общую любовь су-

дового состава офицеровъ и команды, и пассажировъ.

Моряки—народъ „чуткій“, и пастыря своего оцѣнили скоро.

Бывало, выйдетъ онъ уставшимъ на палубу, послѣ „требъ“ по душнымъ трюмамъ, подышать чистымъ воздухомъ и полюбоваться вершинами горъ и песчаными равнинами,— а случайно мимо проходящій офицеръ всегда считалъ своимъ долгомъ, послѣ особенно почтительнаго привѣтствія, дать ему нѣкоторыя разъясненія.

— Что, о. Николай, тяжело вамъ безъ привычки въ сихъ мѣстахъ, солнышко-то поджариваетъ немилосердно!?

— Да, душно здѣсь, но интересно и оригинально,— отвѣтилъ батюшка, вытирая платкомъ струившійся по лицу потъ.

— Жаль, что вы не могли видѣть, когда пароходъ проходилъ ночью красивый „оазисъ“ финиковыхъ пальмъ, окружающихъ небольшую скалу, — на восточномъ берегу Суэцкаго залива, называемую по арабски „Айунъ-Муса“ — Источникъ Моисея. По преданію, это та историческая скала, изъ которой Моисей, ударивъ жезломъ, извлекъ воду.

— А вотъ скоро будемъ проходить мѣстечко Эль-Тора,—тоже на восточной сторонѣ залива, интересное тѣмъ, что въ пустынѣ, отъ Эль-Тора и до подошвы Синайскаго хребта, ранней весною собираются тысячи журавлей, которые, съ крикомъ группируясь, кружатся и отдѣльными вереницами ежедневно частично улетаютъ на сѣверъ. Это оригинальное зрѣлище наблюдается семь дней.

— А гдѣ же Синайская вершина? — спросилъ батюшка заинтересовавшаго его разсказомъ морского офицера.

— Вотъ, обратите ваше вниманіе на юго-востокъ, —продолжалъ офицеръ, указывая рукой.

Голая, выжженная тропическимъ солнцемъ, вершина горы Синая высотою въ 7.450 футовъ надъ уровнемъ моря. Жутко теперь на Синаѣ, осталось только одно историческое воспоминаніе...

И видно было, какъ о. Николай, сосредоточившись, мысленно перенесся въ древнюю библейскую исторію...

Еще съ однимъ историческимъ мѣстомъ здѣсь познакомлю васъ, нашъ дорогой батюшка, — продолжалъ разсказчикъ указывая на западъ.

Гора „Джебель-Гарибъ“, высотою 5.740 футовъ, обрывистый пикъ красивой формы, а въ 16 миляхъ отъ него на низменномъ берегу моря, находится историческій мысъ „Расъ-Гарибъ“, гдѣ, по преданію, послѣ странствованій евреевъ по пустынѣ, была принесена первая жертва Богу...

— Сподобилъ меня Господь повидать такія интересныя и историческія мѣста. Никогда въ жизни я и не думалъ о томъ, что мнѣ придется побывать въ этихъ арабскихъ краяхъ,—съ умиленіемъ проговорилъ о. Николай.

* * *

— Батюшка! Такъ что командиръ приказали передать вамъ, чтобы по случаю спасенія пассажира, вы отслужили Господу Богу благодарственный молебенъ.—Сейчасъ все будетъ готово для службы на „шканцахъ“,— зычнымъ голосомъ доложилъ судовому священнику вахтенный матросъ, приподнявъ фуражку.

— А пѣвчихъ предупредили?!

— Такъ точно, собираются.

Когда команда начала „сооружать церковь“, украшая разноцвѣтными сигнальными флагами, живое участіе приняли классные пассажиры, и особенно дамы. Всѣ, у кого имѣлись свѣжіе цвѣты въ каютахъ, купленные въ Суэцкомъ каналѣ у торговцевъ—арабовъ, — несли украшать „церковь“, съ исключительнымъ вниманіемъ разставляли и прикалывали цвѣты къ флагамъ, окружающимъ мѣсто для службы на палубѣ...

— Вахтенный! Подвахтенную команду и палубныхъ пассажировъ на молебенъ, и предупредить классныхъ пассажировъ,—скомандовалъ старшій офицеръ съ вахтеннаго мостика.

— Есть!..

— Команда и палубные пассажиры, вались всѣ на молитву!.. Классные пассажиры, пожалуйте на молебенъ! — сдержаннымъ басомъ произнесъ матросъ.

Былъ поздній часъ вечера, когда верхняя палуба была полна бодрствующими пассажирами, собравшимися помолиться и поблагодарить Господа за спасеннаго. Два дюжихъ санитара изъ лазарета привели и виновника торжества, оправившагося немного послѣ пережитыхъ потрясеній...

Пришелъ капитанъ и подвахтенные офицеры, а съ ними и о. Николай.

Дивный ясный вечеръ. По горизонту „чисто“,— не видно ни одного встрѣчнаго парохода или попутчика... Надъ Синайскими горами, давно взошла луна.

Передъ образомъ Спасителя ярко горятъ восковыя свѣчи. Вся палуба освѣщена, какъ днемъ.

Начался торжественный молебенъ...

Во время службы всѣ молились такъ, какъ умѣютъ молиться и благодарить Бога только простыя, честныя, открытыя и добрыя души русскихъ православныхъ людей, живущихъ вѣрою въ Бога. Чудесное спасеніе жизни бѣднаго страдальца вызвало слезы умиленія у молящихся и у простоявшаго всю службу на на колѣняхъ юнаго солдата...

По окончаніи молебна, капитанъ поблагодарилъ гребцовъ за исполненный долгъ и проявленную отвагу.

О. Николай поздравилъ спасеннаго съ милостію Господнею, и напутственнымъ словомъ къ жизни.

Въ „кубрикъ“,—помѣщеніе команды, явилась депутація отъ классныхъ пассажировъ, съ начальникомъ эшелона — во главѣ, выразить признательность гребцамъ за спасеніе солдата.

На палубѣ долго еще былъ слышенъ говоръ о „героизмѣ“ и ужасномъ случаѣ въ морѣ, такъ благополучно окончившемся для пассажира.

* * *

На слѣдующій день гребцы, интересуясь подробностями переживаній спасеннаго ими солдата, до подхода къ нему шлюпки, — навѣстили его въ лазаретѣ.

И спасенный разсказалъ имъ слѣдующее:

Долго я искалъ по палубѣ свободное мѣсто, такъ и не нашелъ. Рѣшилъ забраться на сѣно, что возлѣ борта; залѣзъ и растянулся на сѣнѣ... Мягко, хорошо... Лежу это я и смотрю на звѣзды, да думаю о старикахъ моихъ, знакомыхъ, о деревнѣ, какъ всѣ соберутся встрѣчать Святую Пасху, и безъ меня...

Вдругъ слышу, вахтенный матросъ закричалъ:

— Эй, кто тамъ на сѣнѣ?! Сойди внизъ!

И я съ перепугу, вмѣсто палубы, прыгнулъ за бортъ, въ море. Плаваю не дурно. А когда вынырнулъ изъ воды, въ мысляхъ началъ молиться Богу. А пароходъ все удаляется отъ меня. Жутко и страшно было... Сразу и ясно представилась мнѣ вся моя прошлая жизнь, какъ на ладони... Думалъ себѣ, что послѣ утренней переклички узнаютъ, что я погибъ, отыщутъ мои вещи въ трюмѣ и по бумагамъ отпи-

И. СЕМЕНКЕВИЧЪ.

Христосъ Воскресе!

Теплая ночка на землю спустилась,
Въ избахъ деревни блестятъ огоньки;
Лучъ солнца за горами исчезъ:
Христосъ Воскресъ!!!

Великій часъ для насъ насталъ,
Іисусъ Христосъ изъ гроба всталъ;
И слышенъ райскій хоръ съ небесъ:
Христосъ Воскресъ!!!

Ликуютъ небо и земля,
Ликуютъ солнце и луна;
И дивно шепчетъ лѣсъ:
Христосъ Воскресъ!!!

И все живое на землѣ
Ликуетъ будто-бы во снѣ;
И всякій страхъ у всѣхъ изчезъ:
Христосъ Воскресъ!!!
И слышится въ отвѣтъ съ небесъ:
Воистину Воскресъ!!!

шутъ обо мнѣ роднымъ. А какъ мнѣ жить хотѣлось!.. Я и не думалъ, что, ради одного человѣка, будутъ останавливать такой большой пароходъ ночью и искать меня.

Большое вамъ, братцы, спасибо! Вѣкъ буду Богу молиться за васъ.

Весь переходъ до Владивостока спасенный пассажиръ всегда старался выразить благодарность командѣ своей помощью при общихъ работахъ по пароходу.

* * *

Прошло нѣсколько лѣтъ. Случай съ солдатомъ въ открытомъ морѣ — давно забытъ, какъ и многіе другіе изъ морской жизни. Капитанъ парохода „Кострома" оставилъ плаваніе и устроился на берегу по морскому отдѣлу—въ Одессѣ.

Однажды имъ было получено письмо слѣдующаго содержанія:

...„Я, по окончаніи военной службы въ Приморской области, благополучно вернулся домой въ свою родную деревню Салтановку (подъ Кіевомъ). Женился; съ жинкой живемъ дружно и любимъ другъ друга. Имѣемъ уже хлопца — малыша Николая. Обзавелись домикомъ съ вишневымъ садикомъ и хозяйствомъ.

Какъ то разъ, началъ это я разсказывать моей жинкѣ Аксанѣ про случай со мной въ морѣ, такъ она отъ радости, что я остался живъ, въ слезы... Молимся Богу за васъ и матросовъ и всегда съ благодарностью вспоминаемъ добрый пароходъ.

День Страстной Пятницы мы проводимъ въ постѣ и молитвѣ—за Страданіе Христа на землѣ, и мое спасеніе въ морѣ.

Храни Господь васъ всѣхъ на морѣ!

Съ низкимъ поклономъ остаемся: я съ жинкой Аксаной и хлопцемъ Николаемъ.

Вашъ бывшій пассажиръ—солдатъ,
Грицько Пирейма".

Бруклинъ, Нью-Іоркъ.

ИВ. МАЗУРКЕВИЧЪ.

Двѣ Пасхи.

Разсказъ изъ современной жизни.

Былъ день великаго праздника Воскресенія Христова. Казалось, что сама природа употребила всѣ свои усилія къ тому, чтобъ этотъ столь торжественный день, посвященный памяти Бога-Человѣка, былъ какъ можно болѣе прекраснымъ. Апрѣльское небо, не омраченное ни единой тучкою, своимъ цвѣтомъ напоминало чистѣйшую бирюзу, на дивномъ фонѣ которой ярко сіяло щедро брызжущее потоками свѣта и тепла лучезарное солнце. Въ потокахъ лучезарнаго солнечнаго сіянія порхали многочисленныя птицы и своимъ ликующимъ пѣніемъ творили непонятный для смертнаго гимнъ Творцу дивнаго дня. Къ гимну хора лучезарнаго храма природы присоединялся торжественный звонъ колоколовъ храмовъ человѣческихъ. Казалось, что даже свѣженькія былинки травъ изумрудныхъ, робко выглянувшихъ изъ очнувшейся подъ ласками лучей солнца послѣ долгой дремы земли, тоже творили тихія молитвы Творцу... Такъ привѣтствовала великій день мать-земля, торжествуя, что воскресъ Христосъ, лучезарный Учитель, смертью смерть поправшій.

— Христосъ Воскресе! — привѣтствовали люди другъ друга.

— Христосъ Воскресе!—торжествующе пѣли колокола храмовъ!

— Воистину Воскресе! — отвѣчалъ сіяющій апрѣльскій день.

— Воистину Воскресе!—шепталъ пробуждающимся къ новой жизни еще обнаженнымъ деревьямъ теплый ласковый вѣтерокъ.

— Воистину Воскресе! отвѣчало все живущее на землѣ.

Казалось бы, что въ этотъ день не должно было быть мѣста ни черствости людской, ни горю человѣческому...

Казалось бы, что въ этотъ величайшій праздникъ праздниковъ всѣ люди, объединенные божественнымъ ученіемъ Бога-Страдальца, должны забыть свою будничную рознь и раскрыть свои объятія другъ передъ другомъ... Казалось бы, что въ этотъ Свѣтлый День не должно было быть ни бѣдныхъ, ни богатыхъ... Вѣдь Христосъ Воскресъ! Вѣдь это день торжества свѣта надъ тьмою, день торжества правды надъ ложью, добра надъ зломъ!

Но, увы... такъ не было.

Въ угловой квартирѣ большого дома, по красивой внѣшности котораго можно было предполагать, что въ немъ живутъ богачи, господствовала жуткая тишина, въ которую по временамъ врывались слова гдѣ-то вблизи раздававшейся пасхальной пѣсни.

Въ этой тихой квартирѣ сидѣли какъ будто онѣмѣвшіе отъ переживаемаго горя—старая мать, взрослый сынъ и молоденькая дочь... Они были голодны. На нихъ не было праздничныхъ одеждъ. Въ этотъ день радости по ихъ лицамъ струились слезы...

А на другой половинѣ этого дома звучала радостная пѣсня „Wesoły nam dziś dzień nastał!" и за богатымъ столомъ съ массою роскошной пасхальной снѣди сидѣли люди. Ихъ праздничныя одежды и сіяющія довольствомъ лица гармонировали съ врывающимся въ окна лучезарнымъ днемъ и малиновымъ звономъ колоколовъ...

Почему же въ одной половинѣ дома было довольство и радость, а въ другой — голодъ и слезы? Почему?

Не потому ли, что въ этомъ домѣ жили трудолюбивцы и бездѣльники?

Нѣтъ, не потому.

Тѣ, что сидѣли за богатымъ столомъ и пѣли, имѣли землю и трое изъ ихъ небольшой семьи имѣли хорошо оплачиваемыя должности, а у старой женщины, мужъ которой погибъ еще въ Карпатахъ и которая въ тяжкой борьбѣ за существованіе потеряла свои силы, не было земли, а сына ея не хотѣли принять на службу.

Что-же, вѣроятно, сынъ ея былъ бездѣльникомъ и не годился ни къ какой службѣ?

Нѣтъ, онъ не былъ бездѣльникомъ. Еще будучи юношей, онъ въ одномъ изъ русскихъ штабовъ считался однимъ изъ найлучшихъ работниковъ.

Такъ въ чемъ-же дѣло?

А вотъ въ томъ, что онъ съ раннихъ лѣтъ, проникшись великими идеалами Христа, смѣло и честно выступалъ въ защиту всѣхъ угнетаемыхъ. Не будучи русскимъ, онъ не былъ на сторонѣ тѣхъ, которые мстили безвиннымъ въ грѣхахъ царскаго режима русскимъ людямъ. Онъ любилъ свою воскресшую родину и желалъ ей величья, но онъ видѣлъ величіе своей родины въ братскомъ и мирномъ сожительствѣ населяющихъ ее народовъ. Онъ мечталъ, чтобы родина его сіяла Виѳлеемской звѣздой для всѣхъ несчастныхъ и угнетенныхъ. О, за такую родину не жаль бы и погибнуть!..

Но сородичи не понимали величія его любви къ родинѣ и считали его „большевикомъ". Ну, а для большевика, извѣстно, нѣту мѣста въ учрежденіяхъ!..

И вотъ дошло до того, что въ этотъ великій праздникъ праздниковъ этотъ человѣкъ, мать и сестра его остались безъ куска хлѣба.

Да какъ же это такъ, чтобъ въ этотъ день, въ который не должно было быть мѣста горю и слезамъ, были голодные? Неужели на землѣ уже не было больше чуткихъ къ людскому горю хорошихъ людей?

Нѣтъ, міръ еще не настолько упалъ... Но хорошіе люди нынѣ не могутъ помогать обездоленнымъ братьямъ. Хорошіе люди нынѣ сами ничего не имѣютъ... А чѣмъ кланяться передъ безсердечными эгоистами, которыми переполненъ міръ, лучше камню поклониться, по крайней мѣрѣ не посмѣется надъ бѣдою...

— Христосъ Воскресе!—ликовали колокола.

— Wesoły nam dziś dzień nastał!—доносилось изъ комнатъ второй половины дома.

— Развѣ есть справедливость? Развѣ есть Богъ? — Вырвались кощунственныя слова изъ устъ сына вдовы.

— Мы голодаемъ, а тамъ пируютъ! И развѣ я не хотѣлъ работать?

— Ша, замолчи! — съ испугомъ воскликнула мать:—Грѣшно такъ говорить. Вспомни свои же слова, которыя ты часто любишь повторять: удѣлъ лучшихъ людей страдать и безропотно переносить ниспосылаемое имъ Богомъ!

— Мамочка дорогая, но уже нѣтъ больше силъ терпѣть!—со стономъ вырвалось изъ груди молодого человѣка.

— Что-же тебѣ помогутъ богохульственныя слова?—съ мягкимъ упрекомъ спросила мать: — Ничего намъ не помогутъ злыя слова. Нужно только непоколебимо вѣрить въ лучшее будущее и всѣ усилія употреблять къ осуществленію его, и тогда оно непремѣнно настанетъ. Не вѣчно было счастье наше, не вѣчно будетъ и горе наше...

Въ ту минуту въ комнату съ шумомъ и слезами вбѣжали обитатели второй половины дома.

— Христосъ Воскресе!— восклицали они.

— Воистину Воскресе!—отвѣтили имъ.

— Ого, какъ вы скоро позавтракали!—воскликнула одна изъ вошедшихъ, шурша шелковымъ платьемъ.

— О, мы не зѣваемъ! — весело отвѣтила старуха.

— Скоро справляемся!—добавилъ сынъ.

— Попробуйте-ка, какой я чудный тортъ испекла!—подавая старухѣ ломтикъ торта, сказала хозяйка второй половины дома.

— Спасибо, — отвѣтила старуха и положила тортъ на столъ.

Вошедшіе повертѣлись по комнатѣ, весело погалдѣли и тотчасъ-же вышли, оставивъ за собою ароматъ дорогихъ духовъ.

Послѣ ихъ ухода старушка осторожно разрѣзала ломтикъ торта на три части, и голодные люди подѣлились крохой богатаго стола...

— Когда-то и мы будемъ имѣть такой тортъ на пасху,—сказала мать...

...О, да будетъ благословенъ тотъ часъ, когда на землѣ родилась Надежда,—мать несчастныхъ. Ибо ею только одною живутъ милліоны людей!..

СЕМЕНЪ ВИТЯЗЕВСКІЙ.

Свѣтлое торжество.

Пасха въ томъ году стала поздняя. Великимъ Постомъ прошумѣли вспугнутыя вешнія воды, прошелъ ледоходъ по Плотвѣ и въ садахъ кудрявыхъ, овѣянныхъ легкой дымкой тумана, цвѣли яблони и груши. Бѣлый цвѣтъ разливалъ ароматъ и въ саду матушки дорожки были усыпаны вперемежку: пескомъ и бѣлыми лепестками.

А на пасху расцвѣли бульдонежи. Матушка не любила этого дерева, но его посадилъ еще прежній хозяинъ сада—генералъ Карецкій. А матушка тщательно хранила традиціонную преемственность. И бульдонежъ неизмѣнно расцвѣталъ душнымъ маемъ и матушка заботливо предупреждала гостей:

— По той дорожкѣ не ходите. Тамъ цвѣтутъ бульдонежи.

И гость понималъ ея заботливую деликатность.

Въ Страстную среду изъ Москвы пріѣхала дочь съ курсовъ. Нехотя отпустила мать свою Наташу, но сынъ настоялъ. И подъ опекой будущаго отца Ипатія, Наташа превратилась въ красивую городскую барышню.

Еще въ сѣняхъ, торопясь раздѣться, задыхаясь отъ радостнаго волненія, Наташа разсказывала о вербномъ воскресеніи въ Москвѣ.

Матушка слушала съ умильной улыбкой. Для нея все это было чуждо,—какъ странный отрывчатый сонъ. Въ Москвѣ она не бывала никогда и „верба" въ ея глазахъ принимала видъ какого-то бѣсовскаго карнавала подобнаго тому, который она когда-то видала, еще давно, давно,—въ Варшавѣ. Кривлялись шутовскія маски и пищали дудки.

— Да нѣтъ же, мама, — это совсѣмъ не то, — волновалась Наташа. Смотрите, мама, вотъ я вамъ и морского жителя привезла. И тещинъ языкъ захватила.

Тещинъ языкъ съ уморительнымъ свистомъ дѣйствительно выскочилъ изъ маленькаго свистка и опять спрятался. Матушка невольно засмѣялась.

— Вотъ и морской житель, захлопотала Наташа. Видишь?—морской житель неутомимо прыгалъ въ голубой трубочкѣ со спиртомъ.

— Что это, градусникъ? Испуганно спросила попадья. Она не любила градусника еще съ тѣхъ поръ

какъ скончался отъ тифа отецъ Петръ. Трубка въ рукахъ Наташи дрогнула при этомъ воспоминанiи.

— Градусникъ? — да нѣтъ же, мама. Наташа подошла къ ней и обнявъ горячо поцѣловала ее въ щеку. Это морской житель. Не нравится? посмотрите, я вамъ еще привезла... умирающую свинку.

Изъ кармана вылѣзла розовая пухленькая свинья, дѣйствительно заинтересовавшая попадью. Наташа тонкими пальцами осторожно поставила свинью на столъ. Пухлые бока свиньи стали опадать. Она начала худѣть и, наконецъ, съ ужаснымъ воплемъ испустила послѣднее воздыханiе: воздухъ вышелъ изъ середины и осталась только резиновая шкура.

А Наташа хохоча уже бѣжала къ своей спаленкѣ: отецъ Ипатiй завтра прiѣдетъ, его задержали на два дня,—на ходу бросала она матери. Завтра будемъ красить яички? Цѣлое лукошко? да? непремѣнно?

Въ ея спаленькѣ было сумеречно, но надъ постелью висѣли чистенькiя свѣжiя занавѣски. Мать только что выгладила ихъ, выстиравъ къ прiѣзду дочери. Дочь съ наслажденiемъ бросилась на подушку.

— Два дня въ дорогѣ. — Ты можешь представить себѣ, мама. Поѣздъ длинный, длинный... вагонъ микстъ. Интересный такой, мама. Половина синяя, а половина желтая... и паровозъ такой... пфф. пфф. пф... Въ углу въ клѣткѣ заволновались щеглы, а изъ столовой донеслось чириканье чижей.

— Чижи? — Наташа вихремъ взлетѣла съ постели.—Чижи? мама, какое счастье! Кто ихъ поймалъ?

— —

Утро встало какъ всегда, — утромъ послѣднихъ чиселъ апрѣля. На дорожки легла роса и съ выводкомъ цыплятъ и утятъ, желтыхъ какъ на картинкѣ, на огородѣ копошилась курица.

Наташа несла изъ погреба цѣлую копу яицъ. Это была традицiя,—торжественно всей семьей красить пасхальныя яйца. Красили стариными способами, киноварью, лукомъ, шелковыми тряпочками и тонкой кисточкой и воскомъ—малороссiйскiя хитроузорныя писанки. Въ писанкахъ Наташа была великая мастерица. Писанки ея взяли заѣзжiе собиратели старины въ музеи въ сѣверную столицу. Позже годомъ, когда прiѣхала Наташа въ Москву, и посѣтила длинную сѣрую залу, увидѣла за стекломъ на бархатной подкладкѣ свои яички, расписанныя ею въ деревенской глуши. На каждомъ былъ наклеенъ номерокъ и указано названiе мѣстности и уѣзда.

Вспомнивъ это, Наташа засмѣялась.

Цыплята привлекли ея вниманiе. Взявъ корзину съ яйцами подъ руку, Наташа сдѣлала рискованный,—можно было разбить содержимое корзины,—пируэтъ. Насѣдка закудахтала и начала топорщить крылья. Испуганные утята сломя ноги побѣжали подъ ея защиту.

Изъ-за плетня улыбался, пришуря правый глазъ, будущiй отецъ Ипатiй. Онъ прiѣхалъ утреннимъ скорымъ, но видимо не думалъ объ отдыхѣ. Въ рукѣ его была длинная удочка,—впрочемъ не справедливо было бъ осуждать его въ намѣренiи идти на рыбную ловлю.—Онъ имѣлъ другую задачу, въ данный моментъ представлявшуюся ему неизмѣримо болѣе важной. При помощи удочки съ сѣновала доставалъ свою шляпу, которую на пути умудрилась забросить Наташа.

Свѣжiй вѣтеръ развѣвалъ его длиные волосы, а онъ, злясь въ глубинѣ души на проказы сестры, не хотѣлъ признаться въ томъ, что ему необходима шляпа сейчасъ-же. Сейчасъ-же, ибо съ Наташей прiѣхала и Люба Горленко и онъ долженъ былъ идти къ ней.

Это знала и Наташа и потому такъ искрились ея глаза. Но не сказавъ ни слова она прошла въ домъ.

Матушка хлопотала надъ грудами творога, готовя традицiонную сырную пасху. Пасху дѣлали двояко: заварную и „такую". „Такую" любила Наташа. Заварная была предметомъ особеннаго увлеченiя Ипата и Любы Горленко, которая и научила матушку дѣлать ее по какому-то совершенно особенному рецепту.

Около машинки для провертыванiя мяса сидѣлъ облизываясь котъ. Масса творога и сметаны его нисколько ни трогала. Онъ успѣлъ уже побывать въ кухнѣ, гдѣ кухарка Анисья обдѣлывала окорокъ. Его усики меланхолически дрожали и ему видимо хотѣлось спать.

Творогъ бѣжалъ изъ машинки бѣлыми сочными струями. Матушка ловкими движенiями мѣшала его съ сметаной и сливками, смѣшанными съ масломъ и сахаромъ. На столѣ лежали привезенные изъ Москвы „заморскiе" цукаты и изюмъ. Пальцы Наташи скользили, отбирая испорченныя изюминки, попутно отправляя къ себѣ въ ротъ засахаренные цукаты. Было вкусно и Наташа любила эти минуты.

Мать неодобрительно посматривала на шалости Наташи. Въ семьѣ постъ соблюдался строго, но Наташѣ въ день прiѣзда сердце матери позволяло все. Наташа это знала и вопросительно щурила рѣсницы.

А изъ печи уже вынула Анисья большiя бабы,—настоящiя бабы съ ромомъ. Вылѣзали на свѣтъ, изъ черной пасти печной, куличи, румяные, сдобные, а вслѣдъ за ними пухлый расписной пряникъ,—секретъ вяземскiй, только Анисьѣ извѣстный. За то и держали въ домѣ Анисью, несмотря на скверный нравъ ея,—умѣла печь непередаваемые она пряники. Не даромъ у Филиппова въ Москвѣ служила она до того дня, въ который мудрый кондитеръ перешелъ исключительно на мужскую обслугу своихъ пекаренъ.

Пасочная масса уже клалась въ формы, чтобы изойти подъ тяжестью красныхъ кирпичей, еще много лѣтъ тому назадъ Ипатомъ припасенныхъ для этой цѣли. Такъ и повелось,—тѣ же формы, глубокiя, трехфунтовыя, и тѣ же кирпичи съ сосѣдняго кирпичнаго завода, тяжелые, массивные.

Шла пасха. На колокольнѣ вились струйки дыма. Сторожъ Михайло курилъ свою козацкую трубку, починяя провода, ведущiе къ колоколамъ. Иногда онъ пробовалъ тотъ или иной тонъ и тогда срываясь плылъ ударъ мелодичный и расплывчатый, какъ сизый дымокъ его люльки.

———

Ипатъ шелъ по зеленой отъ поростающей травы дорогѣ къ усадьбѣ Горленокъ. Онъ многое долженъ былъ сказать Любѣ послѣ заутрени, но сегодня этому нельзя было подавать вида. Дойдя до креста, стоящаго на поворотѣ дороги, ведущей въ сосѣднее село, онъ снялъ шапку и вдругъ, перекрестясь, рѣзкимъ движенiемъ повернулъ обратно.

Видно, новая свѣтлая мысль пришла ему въ голову и заставила его улыбнуться съ широкимъ русскимъ размахомъ. Подойдя къ обрыву надъ рѣкой, возлѣ которой шла дорога, онъ вдругъ откинулъ шляпу въ сторону и по дѣтски безпричинно сталъ смѣяться громкимъ радостнымъ смѣхомъ.

Откуда-то сверху плыла барка и на кормѣ стоялъ толстый купецъ, въ картузѣ и типичномъ пиджакѣ. Громадная цѣпь отъ часовъ, не оставлявшая никакого сомнѣнiя на счетъ матерiала, изъ котораго она была сдѣлана, висѣла отъ одного бока въ другой, сверкая мѣдной вычищенностью.

Ипатъ поднялъ шляпу и закричалъ шутливое привѣтствiе. И еще долго уползала барка внизъ по теченiю, а купецъ съ изумленiемъ смотрѣлъ вслѣдъ сидящему надъ обрывомъ паничу, размахивающему шляпой.

Въ воздухѣ была разлита весенняя радость и печаль великопостная.

Ипатъ всталъ и, приложивъ руку, взглянулъ на солнце. Въ вихрѣ огненныхъ лучей шла радость всеискупающаго Воскресенія. И навстрѣчу Ему пригибалась вѣтромъ высокая свѣжая трава, какъ бы склоняясь передъ искупающей жертвой Творца.

——

Ипатъ вернулся къ обѣду. Послѣ шума города дѣйствовала странно на него деревенская тишина. Улыбнулась ему старая верба, посаженная еще отцомъ. Онъ подошелъ и любовной рукой потрогалъ ея корявый отъ времени стволъ.

На ступеняхъ крыльца стояла Анисья, бросая пшено сбѣжавшимся курамъ и уткамъ. Торжественно переваливались коротконогіе щелкуны, гордость Анисьи, —какой-то заѣзжій солдатъ подарилъ ей эту донскую диковинку, темно-зеленую съ металлическимъ отливомъ птицу.

Всѣ сосѣди завидовали Анисьѣ, — птицы этой больше не было ни у кого.

Наташа сидѣла за селедкой которую она принципіально не признавала.—„Въ ней есть что то жидовское", прибѣгала она къ послѣдней аргументаціи, когда мать настоятельно взглядывала на нее. И тогда растоплялась настойчивость матушки и къ Наташѣ придвигались рыбы, привезенныя купцомъ Каратыгинымъ съ далекаго сѣвера, и икра кетовая, и икра бѣлая, и икра красная.

Булькалъ въ бутылкѣ квасъ,—напитокъ постный и заботливыми руками попадьи выдержанный въ погребѣ отъ прошлой зимы. А въ шкафу уже стояли графинчики съ наливкой, красной, желтой, бѣлой, зеленой... всѣхъ ягодъ и всякой крѣпости.

Не было это хлѣбосольствомъ избранныхъ, а было широкое русское гостепріимство, — богатства русской земли.

Вынувъ поросятъ, запеченныхъ въ тѣстѣ, — парное тѣсто слоями отваливалось отъ нихъ подъ умѣлой рукой матушки,— сѣли за писанки.

Ипатъ красилъ лукомъ. Онъ былъ великимъ спеціалистомъ въ этомъ дѣлѣ. Ни секунды больше не находились яйца въ предательскомъ кипяткѣ и вылѣзали оттуда лимонно-желтые какъ канарейки или грудка чижей.

Матушка была искусница въ ниточкахъ шелковыхъ и разноцвѣтныхъ, мраморныя яички такъ и выбѣгали изъ подъ ея рукъ, ложась на полотенцѣ около красныхъ, синихъ, зеленыхъ, выходившихъ изъ стаканчиковъ стоящихъ около Наташи и Анисьи.

Горка росла, разноцвѣтная, блестящая, свѣжимъ глянцемъ подсолнечнаго масла...

——

Отъ Плащаницы вернулись въ четыре часа и стали убирать домъ. Лишь когда спустились сумерки и Ипатъ ушелъ въ церковь помогать священнику и старостѣ,—къ Наташѣ пришла Люба въ синей ситцевой блузкѣ съ лукаво улыбающимися глазами.

Подруги поцѣловались и сѣли на плюшевую облѣзшую отъ времени кушетку, заботливо прикрытую чехломъ.

— Устала.—Вотъ какъ, Люба смѣшливо развела руками. Цѣлый день—измаялась какъ никогда. И знаешь что будетъ? — твой Ипатъ ходитъ цѣлый день вокругъ нашей усадьбы и не можетъ рѣшиться войти.

— Почему?

— Матушка изъ курсистокъ. Не находишь-ли ты, что это было бы слишкомъ оригинально?

Подруги весело разсмѣялись. Въ комнату скользящею тѣнью вошла матушка и поправила лампадку теплящуюся передъ кивотомъ.

——

Заутреню служили соборне, три священника, а за свѣчнымъ ящикомъ старостѣ помогала Наташа. Ипатъ куда-то исчезъ и Люба лукаво улыбалась Наташѣ. Та тоже дѣлала знаки. Обѣ знали что наступаетъ для нихъ моментъ свѣтлой радости.

И когда запѣли Христосъ Воскресе, и длинный ходъ поплылъ вокругъ церкви, Ипатъ вынырнулъ гдѣто около Наташи, шедшей возлѣ Любы.

— Христосъ Воскресе, Наташа, — Ипатъ былъ несмѣлъ и голосъ его дрожалъ, выдавая безпокойство и мучительную тревогу. Куда-то вбокъ уходила ухмыляющаяся рожица сестры, а Люба вдругъ становилась принцессой изъ сказки.

— Попадьей? спросила Наташа. Да Господь съ тобой, Ипатъ. Она согласна, поцѣлуйтесь-же. И знаете что: идемъ скорѣй разговляться. Мама вѣроятно насъ ждетъ уже давнымъ давно и никакъ не можетъ дождаться.

Въ торжественной темнотѣ, обойдя при свѣтѣ колеблемыхъ огоньковъ свѣчей, — трое отдѣлились и направились къ дому. Домъ освѣщенъ былъ яркими огнями.

Анисья вошла въ комнату и застыла отъ удивленьи. Люба и Ипатъ цѣловались, цѣловались долго и протяжно.

Но думать ей надъ этимъ не пришлось. Ручки Наташи закрыли ей глаза, а голосъ сказалъ: Христосъ Воскресе! И смѣшливыя губки трижды облобызали ея щеки.

А когда потомъ Наташа ввела ее въ столовую, тамъ уже сидѣла матушка и Ипатъ и Люба. И, сдѣлавъ реверансъ, произнесла Наташа:

— Анисья, поздравь жениха и невѣсту.

СОДЕРЖАНІЕ.

При семъ номерѣ разсылаются безплатныя приложенія: I) Акаѳистъ Святому Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову и 2) Слово Св. Іоанна Златоуста въ первый день Пасхи, съ толкованіемъ.

Redaktor-Wydawca P. Ziemcow. Редакторъ-Издатель **П. Земцовъ.**
Drukarnia Synodalna. Warszawa-Praga, Zygmuntowska 13.

СЛОВО
СВ. IОАННА ЗЛАТОУСТА
ВЪ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПАСХИ, СЪ ТОЛКОВАНIЕМЪ.

Христосъ Воскресе!

„Аще кто благочестивъ и боголюбивъ", — кто истинно чтитъ Бога и любитъ Его искренно, „да насладится сего добраго и свѣтлаго торжества", — преславнаго Воскресенія Христова, которое мы нынѣ празднуемъ, и въ коемъ Господь такъ дивно показалъ — и благость Свою роду человѣческому, и премудрость въ искупленіи его отъ вѣчной погибели, и силу Свою надъ врагами спасенія нашего. „Кто рабъ благоразумный", кто данные ему таланты отъ Бога — время, силы и способности — не скрываетъ напрасно въ землю, не иждиваетъ на земныя только дѣла и удовольствія, но мудро употребляетъ на служеніе Господу и стяжаніе вѣчнаго блаженства,—„да внидетъ радуяся въ радость Господа своего", да будетъ участникомъ той духовной радости, которую Господь уготовалъ вѣрнымъ рабамъ Его, искупленнымъ кровію Спасителя (Мѳ. 25, 21). „Кто потрудился постяся", — кто во время прошедшаго поста не оставался въ праздности, но усердно трудился надъ дѣломъ спасенія своего, „да пріиметъ нынѣ динарій", — получитъ въ благодатныхъ плодахъ Воскресенія Христова ту награду, какую обѣщалъ Богъ добрымъ дѣлателямъ (Мѳ. 10, 10; 20, 1—8). „Кто работалъ съ перваго часа",—исполнялъ волю Божію съ дѣтства, или съ того времени, какъ Господь призвалъ его въ вертоградъ Свой, т. е. Церковь

Христову, „пусть получитъ нынѣ плату, слѣдующую ему по справедливости". „Кто пришелъ послѣ третьяго часа",—приступилъ къ дѣлу Божію не вдругъ, но опустилъ нѣсколько времени, „да празднуетъ благодаря" Бога за снисхожденіе къ нему. Кто успѣлъ придти „по шестомъ часѣ",—пришелъ на зовъ Божій еще позже, когда протекла уже половина его жизни, „пусть ни мало не безпокоится; ибо онъ ничего не лишится" изъ тѣхъ благъ, которыя Воскресшій Господь даруетъ всѣмъ, желающимъ вкушать оныя. „Кто пропустилъ и девятый часъ",—замедлилъ еще болѣе и началъ трудиться надъ дѣломъ Божіимъ тогда, какъ день жизни его склонился уже къ вечеру, „пусть приступитъ безъ всякаго сомнѣнія и боязни": ибо нынѣ явилась благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкамъ (Тит. 2, 11). „Если кто успѣлъ придти только въ одиннадцатый часъ", — даже и тотъ, кто вышелъ на дѣло Божіе очень поздно, сталъ пещись о спасеніи своей души уже въ старости, „и тотъ да не страшится замедленія: ибо Домовладыка, любя честь", и будучи щедръ, „пріемлетъ и послѣдняго, какъ перваго, успокаиваетъ и пришедшаго въ одиннадцатый часъ, какъ трудившагося съ перваго часа", воздавая всѣмъ должное. „И первому удовлетворяетъ", награждая его по справедливости, „и послѣдняго милуетъ" по снисхожденію, „и оному даетъ" заслуженное, „и сему даритъ" по благости Своей; „и добрыя дѣла пріемлетъ" съ радостію, „и благое намѣреніе лобызаетъ" съ любовью; „и дѣяніе чтитъ", какъ должно, „и доброе расположеніе хвалитъ".

„Итакъ, всѣ войдите въ радость Господа своего! И первые и послѣдніе пріимите мзду" отъ милосердаго Владыки! „Богатые и бѣдные, ликуйте другъ со другомъ", какъ дѣти одного Отца Небеснаго! „Постившіеся и не постившіеся, возвеселитесь нынѣ", когда небо и земля радуются, празднуетъ вся тварь! „Трапеза обильна: насыщайтесь ею всѣ". „Телецъ", закланный ради насъ, „великъ и упитанъ": никто не уходи голоднымъ! „Всѣ насладитесь пиршествомъ вѣры, всѣ пользуйтесь богатствомъ благости" Божіей! „Никто не жалуйся на бѣдность: ибо для всѣхъ открылось Царство" Небесное, въ которомъ уготовано вѣрующимъ богатое наслѣдіе. „Никто не плачь о грѣхахъ своихъ: ибо изъ гроба" Спасителя „возсіяло прощеніе всѣмъ" грѣшникамъ, желающимъ получить оное. „Никто не страшись смерти: ибо отъ нея освободила

насъ Спасова смерть", если только мы снова не поработимся ей грѣхами. „Ее истребилъ объятый ею" Жизнодавецъ. „Сошедшій во адъ" Сынъ Божій „плѣнилъ адъ и огорчилъ его". Давно предъузнавъ это, пророкъ Исаія воскликнулъ: адъ огор-

чился, срѣтивъ Тебя въ преисподнихъ своихъ (Исаіи 14, 9). „Огорчился: ибо упразднился", — опустѣлъ; „огорчился: ибо умерщвленъ", — лишился того, что составляло его жизнь и силу; „огорчился, ибо низложенъ" съ престола своего и ли-

шенъ власти надъ родомъ человѣческимъ; „огорчился, ибо связанъ“ и не можетъ теперь дѣйствовать съ тою свободою и силою, какъ прежде. „Онъ взялъ плоть, а принялъ въ ней Бога: взялъ землю, а нашелъ въ ней небо; взялъ то, что видѣлъ, и подвергся тому, чего не ожидалъ“. Такъ Богъ уловилъ его Своею премудростію!

Гдѣ твое, смерте, жало? Гдѣ твоя, аде, побѣда (1 Кор. 15, 55)? — Гдѣ грѣхъ, которымъ ты, смерть, уязвляла людей? Гдѣ, адъ, торжество надъ человѣчествомъ? — „Воскресъ Христосъ, и ты низвергся“, какъ безсильный врагъ! „Воскресъ Христосъ, и радуются ангелы“, взирая на дивное торжество Сына Божія и спасеніе человѣковъ! „Воскресъ Христосъ, и жизнь водворяется“ всюду, даже и тамъ, гдѣ прежде была область смерти и тлѣнія! „Воскресъ Христосъ, и нѣтъ ни одного мертваго во гробѣ“; „ибо Христосъ, Воскресшій изъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть“ (1 Кор. 15, 20)! Онъ первый воскресъ, какъ Глава, а потомъ востанутъ и всѣ члены Его,—вѣрующіе въ Него и имѣющіе въ себѣ животворный Духъ Его (1 Кор. 15, 21—23; Римл. 8, 11). Да будетъ же „Ему слава и держава, во вѣки вѣковъ“! Аминь.

Сообщилъ Прот. **Ѳеодоръ Черній.** 22 апрѣля 1929 г. Здолбуново.

Безплатное приложеніе къ № 18 „Воскр. Чт.“ за 1929 г.

Warszawa. Drukarnia Synodalna. 1929.